

Япония: классика и современность

РАБОТА ЛЕГКОЙ НЕ БЫВАЕТ

Цумура Кикуюко

Япония: классика и современность

Кикуко Цумура

Работа легкой не бывает

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

Цумура К.

Работа легкой не бывает / К. Цумура — «Издательство АСТ»,
2020 — (Япония: классика и современность)

ISBN 978-5-17-138357-2

Пожалуй, каждый из нас хоть раз в жизни испытывал эмоциональное выгорание на работе, хотел сменить ее или вовсе бросить. С этой же проблемой столкнулась молодая японка, и для новой работы у нее всего три условия: близко к дому, минимум движения, минимум ответственности. Агент по найму со всей любезностью и дотошностью выполняет ее требования... Девушка переходит с работы на работу: пишет рекламные тексты, разгадывает таинственные исчезновения, помогает людям. В каждом месте она находит плюсы и минусы, однако со временем становится все более очевидным, что она ищет вовсе не легкую работу, а нечто гораздо большее... По-японски уютный и добрый роман о поиске своего места в сумасшедшем мире.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-17-138357-2

© Цумура К., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Работа с видеонаблюдением	6
Работа с рекламой в автобусах	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кикуко Цумура
Работа легкой не бывает
Роман

Kikuko Tsumura
There's No Such Thing as an Easy Job

* * *

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Kikuko Tsumura, 2020
© Перевод. У. Сапцина, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Работа с видеонаблюдением

Экран слева, экран справа, а человек на обоих один и тот же. Видеозапись слева сделана вчера, чуть раньше десяти вечера, справа – позавчера, около восьми вечера. И одежда одна и та же – флисовая толстовка, так что если бы не дата в уголке, понять, что записи относятся к разным дням, было бы невозможно. На обоих мониторах человек, превратившийся в объект наблюдения, неподвижно сидел, скрестив на груди руки, в офисном кресле перед ноутбуком, и когда уже казалось, что больше он не пошевелится, вдруг принимался яростно барабанить по клавиатуре, но уже через тридцать секунд снова замирал, или жестом изнеможения придвигал к себе словарь, или заходил в сеть и следующий час с сосредоточенным и хмурым видом блуждал там, – словом, совершал одни и те же действия. Справа, в позавчерашней записи, два часа назад он ел рис с водорослями хидзики, суп с мисо и шпинатом и яичницу с ветчиной, слева, во вчерашней записи, ничего подобного пока не предпринимал. Текстовый редактор я открыла, но записать для отчета было нечего, и я застыла точно так же неподвижно, как объект моих наблюдений.

Глядя, как ужинает объект, я временами подумывала, не съесть ли и мне чего-нибудь, но с тех пор прошло уже полтора часа, а встать так и не захотелось, и я сидела все в той же позе. Живот ощутимо свело, но только я наконец приподнялась, решив сбегать в подвальный магазин, как уловила какое-то шевеление на экране справа. Объект, до сих пор сидевший почти так же, как на левом экране, вскочил с кресла и кинулся в прихожую, будто к нему пришли. Я переключила правый экран на запись с камеры, установленной в прихожей. Чуть заискивающе кланяясь женщине в форме – видимо, сотруднице службы доставки, – объект поспешно закрыл дверь и вышел из кадра, неся в руках коробку из гофрокартона. Коробка была не большой и не маленькой. Как раз такого размера, чтобы нести ее в обеих руках, почти кубической. Объект часто заказывал по Интернету книги или диски, но форма этой коробки создавала впечатление, что там ни те и ни другие.

Предположив, что он возвращается к рабочему компьютеру, я переключила изображение, но он все не шел, а при проверке записи с камеры в кухне оказалось, что он уже пристроил коробку на небольшом кухонном столике и рьяно вскрывает ее ножницами.

Я присмотрелась. Само собой, мне и в голову не приходило, что очередную партию товара объекту доставят прямо на дом, но каждый раз, когда он шел в прихожую получать какую-нибудь посылку, я настораживалась. Он открыл коробку, выкинул из нее на пол пузырьковую упаковочную пленку и достал какой-то пакет. Затаив дыхание, я увеличила изображение. «Свежеиспеченное печенье из домашней пекарни такой-то», – значилось на стикере, приклеенном к пакету. Забыв про упаковочную пленку, по-прежнему валяющуюся на полу, объект взял с сушилки для посуды большую тарелку, принялся разбирать печенье и складывать кучками в зависимости от формы. И при этом выглядел очень довольным. В пакете было печенье пяти разных форм, в том числе квадратное, круглое и в виде листочков, и только один вид – коричневого цвета. Наверняка шоколадное. Такое объект складывал отдельной кучкой в стороне от остальных. Потом надкусил одно.

В отличие от блаженствующего объекта на правом экране, объект на левом все так же глазел в монитор компьютера, скрестив руки на груди. Один раз, когда его голова поникла, он вдруг дернулся – видимо, задремал все в той же позе.

– Хватит уже спать сидя, с толку сбиваешь! – буркнула я.

На этой работе инструкция предписывала не пользоваться быстрой перемоткой вперед – за единственным исключением: пока объект спит. Так что в данной ситуации я вполне имела право пропустить небольшую часть записи. Но когда объект бодрствовал в той же позе, в которой спал, непонятно было, когда можно перемотать запись, когда нет. Вот я и хотела, чтобы он больше так не делал.

Видимо, услышав мое бурчание, госпожа Оидзуми из соседней кабинки заглянула за перегородку с вопросом, все ли у меня хорошо. Я кивнула с невнятным и уклончивым «м-м, угу».

– Ну ладно, я тогда домой. Спасибо за работу, – сказала она, обмотала шею шарфом и вышла.

Вид у нее был слегка замученный. Госпожа Оидзуми – хозяйка дома и мать семейства. На работу она приходит, предварительно отведя дочь-младшеклассницу на дополнительные занятия, и уходит, когда эти занятия заканчиваются.

Напечатав в текстовом редакторе: «20:35. Объект получил от курьера картонную коробку со стороной примерно 25 см. Содержимое – упаковочный материал (пузырьковая пленка) и выпечка», – я вздохнула, выдвинула ящик стола и достала капли для глаз. С тех пор как меня приняли на эту работу, пользоваться каплями для глаз, без которых раньше я вполне могла обойтись, я стала чаще, вдобавок пристрастилась к тем, что подороже, и теперь набирала их впрок по акции с тележек вроде «все по 198 иен». Хорошо еще, нам возмещали такие расходы, как на капли для глаз (но не больше тысячи иен в неделю). А вот питались мы за свой счет. Лишь недавно до меня начало со всей отчетливостью доходить, что из глазных капель и булочки с яkisобой дороже обходится последняя. Но если к моменту ухода с этой работы у меня от злоупотребления глазными каплями разовьется синдром сухого глаза, то с учетом затрат на его лечение есть шанс, что в перспективе булочка окажется более выгодной.

Знаю, знаю – это ход мыслей человека, свободного времени у которого слишком много. Но прикиньте: с этой работой времени у меня и вправду хоть отбавляй. И это странно, потому что рабочий день здесь длинный, но даже в часы работы я, в сущности, ничем не занята. Я пришла к выводу, что на свете найдутся считанные виды работ, съедающие так же много времени и так же мало ресурсов мозга, как наблюдение за жизнью писателя, который живет один и работает дома.

Я закапала в глаза, но даже это не помогло мне взбодриться, как хотелось бы, так что я остановила видео и, пошатываясь, поднялась на ноги. Поскольку наблюдением я занималась не в реальном времени, а отсматривала сделанные ранее записи, мне разрешалось останавливать их и снова включать воспроизведение по желанию. Единственным условием было просмотреть все видеоматериалы, записанные в те часы, которые объект проводил дома. Другими словами, чем дольше он сидел дома, тем больше у меня было работы. Этот конкретный объект ложился спать в шесть утра и просыпался в два часа пополудни, то есть доля сна в режиме дня у него была великовата, но она уравнивалась тем, что он проводил дома дикое количество времени. А мне приходилось отсматривать видео на исходной скорости, то есть просиживать у себя в кабинке чуть ли не весь день. Когда мы привыкали к этой работе, нам разрешали смотреть материалы за два дня одновременно, но даже в этом случае не стоило недооценивать уйму времени, которое проводит дома самозанятый человек. Я жила прямо напротив офиса, так что до работы добиралась за считанные минуты, но если уйти пораньше все равно нельзя, вопрос близости дома к месту работы отчасти теряет актуальность. Преимущество заключалось в том, что я редко с кем-нибудь виделась в процессе работы, задумываться, как я выгляжу, не требовалось, и порой я просто набрасывала пальто поверх пижамы и в таком виде отправлялась на работу. А когда выдавалось свободное время, успевала сбегать домой поужинать и снова возвращалась в офис.

Вся эта ситуация сложилась благодаря тому, что однажды я села перед своей кадровичкой и объяснила, что хочу работу как можно ближе к дому, в идеале что-нибудь вроде просиживания целыми днями на стуле и надзора за процессом выделения коллагена для средств по уходу за кожей. Вообще-то я не думала, что она сумеет подыскать что-нибудь подобное, но рассудила, что ничего не потеряю, если спрошу. С предыдущей работы я ушла после того, как у меня развился синдром выгорания, и чтобы восстановиться, переселилась обратно к родителям. Спустя некоторое время моя страховка по нетрудоспособности иссякла, стало ясно, что пора уже заняться поисками нового места. Прошлая работа вытягивала из меня всю энергию до последней капли, потому я и ушла с нее, однако чувствовала, что вечное безделье, пожалуй, тоже не выход. Короче, я никак не могла определиться, хочу я вернуться на работу или нет, потому и обратилась к кадровичке с такой просьбой, которая звучала, будто я воспринимаю происходящее как шутку. Едва у меня вылетели эти слова, я сообразила, что из-за них неприятности мне обеспечены. Однако госпожа Масакадо окинула меня проницательным взглядом, который казался совершенно неуместным на фоне ее привычной кротости.

– У меня есть как раз то, что вам нужно!

Клянусь, у нее даже очки блеснули, как в мультиках, когда персонажи произносят подобные реплики. И она вручила мне описание вакансии. Было невозможно отрицать: это именно то, что я искала. Однако судьба распорядилась так, что и в этой работе обнаружились свои специфические трудности.

Ямаэ Ямамото, наблюдение за которым поручили мне, зарабатывал на жизнь писательством. Без его ведома кто-то из знакомых оставил у него храниться некий контрабандный товар. Я знала, что этот товар идет нарасхват, но такой мелкой сошке, как я, не сообщали, о чем именно идет речь. Объяснили лишь, что контрабанда спрятана в футляре какого-то DVD, но коллекция фильмов Ямаэ Ямамото была до смешного обширна, так что нужный футляр не сумели обнаружить при несанкционированном обыске, который устроили за время отсутствия объекта. Пришлось установить повсюду камеры, и вот теперь мы наблюдали за объектом в ожидании, когда его знакомый придет за товаром, или же когда, на наше счастье, Ямаэ Ямамото решит перебрать свою коллекцию и наткнется на контрабанду сам. С учетом размеров этой коллекции существовала вероятность, что Ямаэ Ямамото давным-давно забыл, какие из дисков взял у кого-нибудь посмотреть. И вместе с тем, поскольку человек, спрятавший у него контрабанду, до сих пор умудрялся избегать ареста – благодаря покровительству не подозрева-

ющего об этом Ямаэ Ямамото, – можно было также допустить, что хозяин контрабанды, какого бы пола он ни был, решится доверить ему очередную партию. Вот что я услышала от своего начальника, господина Сомэя. Потому и переходила в режим полной боеготовности при виде каждой доставки.

Поначалу мне представлялось, что наблюдение за явно безобидным Ямаэ Ямамото окажется сравнительно непыльной работенкой по меркам этой сферы. В действительности же Ямаэ Ямамото не только целыми днями торчал дома, но и постоянно получал какие-нибудь заказы, а его манера смотреть DVD была в высшей степени хаотичной. Когда уже казалось, что он с довольным видом устроился смотреть вторую «Историю игрушек», он вдруг, передумав, включал запись матча за третье место на чемпионате мира по футболу в Германии 2006 года. По этой причине на выручку мне иногда приходил господин Сомэй. Он был худощавым, лет за пятьдесят, с мягкой манерой речи. И всегда, в любое время суток находился на работе, я порой замечала, как он неподвижно сидит на кухне с чашкой чая кобутя с умэ в руке, что наводило меня на мысль: пожалуй, не следует слишком часто звать его на помощь. Но беспокоило меня не только состояние его здоровья. Я слышала, что за тридцать лет работы здесь он насмотрелся на рыбу настолько крупную, что по сравнению с ней Ямаэ Ямамото казался коготком крыла, так что боязнь отвлечь господина Сомэя от других, более важных дел стала еще одной серьезной причиной не слишком часто рассчитывать на него. К тому же до меня дошли вроде бы правдоподобные слухи о том, что если я застукаю этого самого Ямаэ Ямамото в момент обнаружения контрабанды или замечу его знакомого, явившегося забрать ее, мне причитается громадный бонус. Без лишних слов ясно, что деньги теперь имели для меня первостепенное значение. Я понятия не имела, когда со мной случится очередное выгорание.

По длинному, чистому, больничного вида коридору с тревожно-яркими флуоресцентными лампами я прошагала до лестницы в дальнем конце и спустилась в подвальный магазин. Строго говоря, подвала в этом здании не было, просто магазин размещался ниже уровня земли, будто в каком-то провале. Как и следовало ожидать от учреждения, существующего с единственной целью круглосуточного просмотра отснятых видеоматериалов, свет в нем горел ночи напролет. И лампы были не обычными флуоресцентными, как в магазинах, а осветительными приборами, какими пользуются в странах, где есть «белые ночи». Проведите в таких условиях некоторое время, и вскоре начнете замечать, как ваше восприятие дня и ночи постепенно размывается.

Но в подвальном магазине размером со среднюю спальню свет был тревожно-тусклым даже в разгар дня. Как будто в здании соседствовали две разные зоны: магазин и все остальное. Вообще-то, будь у меня выбор, я предпочла бы работать в магазине, рассуждала я мысленно, кладя на прилавок свою булочку с якисобой и пластиковую бутылку мате. И то и другое – лишние траты. Да, согласна, чтобы приготовить булочку с якисобой самостоятельно, мне понадобилось бы обжарить лапшу с капустой, постоянно помешивая, потом раздобыть булочку и запихнуть в нее начинку, так что этот расход, пожалуй, оправдан. Но уж мате-то я легко могла залить водой дома, была бы заварка, так что необходимость раскошелиться на пластиковую бутылку напитка несла с собой чувство поражения.

– Я возьму вот это. – Даже мой голос приобрел угрюмый оттенок.

– Всего двести девяносто иен, будьте добры! – отозвалась продавщица.

Для девяти вечера в четверг она была на удивление деловита и энергична. Когда бы я ни заглянула в магазин, там на посту всегда находилась одна и та же женщина – эта. Я уже сомневалась, что ей вообще случается уходить домой, так же, как и господину Сомэю.

На рабочее место я вернулась с бутылкой мате и прозрачным пластиковым контейнером, содержащим в себе булочку с якисобой, а на себе – единственную отметку, срок годности. Вся выпечка в этом магазине продавалась в простой пластиковой упаковке вроде этой, без каких-либо указаний, кто ее произвел, и вся была довольно неплоха на вкус. Интересно, существует

ли компания, работа которой – снабжать выпечкой вот такие маленькие несетевые магазинчики.

Я решила посмотреть записи еще два часа, потом уйти домой. Дома первым делом закажу в Интернете листья мате, сказала я себе. Мне некогда ходить за ними самой. Впрочем, если вспомнить, сколько времени я обычно провожу в этом здании, неясно, смогу ли я получить заказ дома. Может быть, можно попросить доставить его сюда? Надо будет спросить у господина Сомэя.

– О, боюсь, я не могу вам это разрешить. У нас сейчас просто недостаточно сотрудников.

Качая головой, господин Сомэя двигал туда-сюда лежащую поверх отчета линейку. Этой линейкой он пользовался, читая ежедневные отчеты операторов наблюдения, – придерживал ее под иероглифами, чтобы ничего не пропустить. Я делала так же, когда во время учебы в университете подрабатывала корректором. Заметив, как внимательно он читает отчеты, я уже начала жалеть, что в моем написано так мало. Но ведь Ямаэ Ямамото почти с места не сходил. Что же мне о нем писать?

– Я приложу все старания, чтобы получить посылку сама. Никому больше не придется отвлекаться от работы.

– Все бы хорошо, если бы вами дело и ограничилось, но если я дам разрешение вам, тогда мне придется давать его всем и каждому, и в итоге вы превратитесь в почтальонку. Которой не платят за работу.

– Я не против. Здесь я самая новенькая, так что все по-честному. Можно считать, что это обряд посвящения.

– Это вы сейчас так говорите, а представляете, сколько вам придется заниматься сортировкой, если примутся заказывать доставку все наши сотрудники – более пятидесяти человек? Получится серьезная помеха для ваших постоянных обязанностей.

– Неужели здесь правда работают более пятидесяти человек?

Безусловно, в трехэтажном здании места хватило бы такому количеству сотрудников, но единственными, кого я здесь когда-либо видела, были господин Сомэя, госпожа Оидзуми и женщина из подвального магазина, потому в многочисленность местного персонала поверила не сразу.

– Угу. – Господин Сомэя кивнул, бросил взгляд на отчет, потом снова посмотрел на меня и негромко заключил: – Так что прошу меня простить, но офис и впредь останется зоной, где доставка под запретом.

Он откашлялся и снова занялся отчетом. Не сумев выдвинуть более убедительных возражений, я вышла из комнаты. В этом здании не было больших помещений с открытой планировкой, как в обычной компании. Наоборот, оно было поделено на множество комнатушек – вероятно, чтобы помочь сотрудникам сосредоточиться на своих задачах. Я слышала, что по мере продвижения по служебной лестнице нас переводят в комнаты размером побольше, но

я работала только вторую неделю, еще находилась на испытательном сроке и потому сидела в одной комнате с госпожой Оидзуми.

По длинному пустому коридору, приуныв пуще прежнего под его слепящими лампами, я вернулась к себе в комнату. Нажала кнопку воспроизведения и увидела, как Ямаэ Ямамото, по-видимому, закончив работу, включил телевизор и начал смотреть записанную серию «Морской полиции». Женщина-спецагент была не из «Моссада», так что серия должна быть первой или второй. Я смотрела только те серии «Морской полиции», которые были уже после мossaдовки, поэтому некоторое время щурилась, вглядываясь в экран Ямаэ Ямамото, и пыталась понять, что там происходит, но без звука разобрать, что к чему, было практически невозможно. Те, кто устанавливал в квартире Ямаэ Ямамото систему наблюдения, подключили и микрофоны, но оказалось, что они неисправны.

Пока я сидела, мрачно размышляя о том, что не могу заказать себе чай с доставкой, и вдобавок не знаю, какой сезон «Морской полиции» смотрит мой объект – первый или второй, Ямаэ Ямамото поставил запись на паузу и сорвался к входной двери, оставив меня наедине с моей печалью. В отличие от эпизода с печеньем, на этот раз он принес доставленный ему бумажный пакет на свой письменный стол, вынул из него квадратную коробочку и принялся заинтересованно изучать. Сбоку на коробочке виднелась крупная наклейка: «Мате». Я вдруг обнаружила, что непроизвольно оскалила зубы и нахмурилась, всем видом выражая предельную неприязнь. Из всех товаров мира он взял да и заказал единственный, который я хотела и не могла получить. Так и подмывало позвонить ему и завопить в трубку: «Отдай этот мате сейчас же!» Но откуда у меня возьмется его номер?

Ямаэ Ямамото вертел коробочку в руках, подробно вчитываясь в мелкий шрифт. Прямо передача из зоопарка: мартышка и мате! Как будто он вообще в первый раз видел его вживую. Прочитав все, что было написано на коробке со всех сторон, он поставил ее на видное место и стал любоваться с расстояния. «Слушай, от этого мате в коробке не прибавится, – попыталась вразумить его я. – И чашку чая так ты тоже не получишь».

Сопровождая натужными остротами каждое действие Ямаэ Ямамото, я вдруг вспомнила, что в этой коробке мате вполне может оказаться свежая партия контрабанды, увеличила изображение и впиалась в него взглядом прищуренных глаз. Ямаэ Ямамото перенес коробку на письменный стол, подключился к вайфаю и открыл браузер. В поисковик, который выскакивал у него при загрузке, он вбил слова «чай мате». «Треклятой работой займись, парень». Но Ямаэ Ямамото проигнорировал меня, прокручивая список сайтов, имеющих отношение к мате, открывая один за другим, вытягивая шею, чтобы лучше разглядеть их, помечая закладками некоторые страницы. Я не сомневалась, что к целям моего наблюдения они не имеют отношения, но на всякий случай увеличила изображение и увидела статью о том, что уругвайцы выпивают ежемесячно более двух килограммов мате. Ого, невольно восхитилась я. Выхлестать столько мате за месяц – это жуть как много.

Ямаэ Ямамото продолжал изучать мате чуть ли не целый час. «Вот потому-то работа у тебя и продвигается так медленно», – наставительно сказала я ему про себя, но тут же осеклась, вспомнив собственные привычки. Для меня обычным делом было, вернувшись домой с работы, убивать драгоценное свободное время, отпущенное мне, за бесконечным просмотром совершенно несущественных вещей в Интернете. Я придвинула к себе блок листочков и записала: «Запомни, каким глупым показался тебе объект, когда впустую тратил время, и сама так не делай».

Я оторвала листочек и сунула в карман.

Собственно говоря, если учесть, чем зарабатывал Ямаэ Ямамото на хлеб, не стоило рубить сплеча, утверждая, что час, проведенный за сбором сведений о мате, был потрачен совершенно впустую. Не знаю, насколько крупным он был писателем, но всякий раз, когда я увеличивала изображение у него на экране, оказывалось, что он пишет что-то новое. Вчера

писал о своем любимом ресторане, сегодня – о колониализме. Слова, которые он искал в словаре, тоже были самыми разнообразными – от «коллокативный» до «сверхдостаток». Единственное, что я могла с уверенностью утверждать насчет Ямаэ Ямамото, – он даже не подозревает об оказавшемся у него совершенно запрещенном товаре. Судя по тому, как медленно он продвигался в работе, меланхоличному выражению, с которым изучал свои платежи в банке, и явному отсутствию прогресса с именами в «списке лиц, с которыми надо связаться», у него, безусловно, имелись свои причины для беспокойства, но я никогда не видела, чтобы хоть что-нибудь в его поведении указывало на озабоченность тем, что где-то в его квартире спрятана вожделенная контрабанда.

Как я уже говорила, Ямаэ Ямамото ложился в постель в шесть утра и просыпался в два часа дня. То есть он бодрствовал шестнадцать часов в сутки. Поскольку на работу он не ездил, время его бодрствования было приблизительно равно времени, которое он проводил дома, за исключением двухчасового периода с шести до восьми вечера, когда он обычно отсутствовал. Видимо, в это время он ходил гулять или за продуктами. Просмотр материалов с камер наблюдения, установленных по его привычному пути следования и в его излюбленном супермаркете, был работой госпожи Оидзуми, и она говорила мне, что у него не бывает ни подозрительных встреч, ни других подобных инцидентов. Он просто гулял и размышлял, что бы купить.

Вообще-то я слышала от госпожи Оидзуми, что провести в супермаркете целый час для него дело самое обычное. Она рассказывала, что как-то раз он тридцать минут простоял в отделе консервов, прикидывая, какую из банок кисло-сладких маринованных грибов купить. Он колебался между сравнительно небольшой банкой более дорогих грибов, выращенных в нашей местности, и более вместительной банкой грибов подешевле из Китая. И когда решил выбрать одну и положил ее в свою корзинку, сразу же после этого вернул ее на стеллаж. Он настолько мучился нерешительностью, говорила госпожа Оидзуми, что ее так и подмывало сходить и просто купить ему банку. Насколько я могла судить, лишних денег у госпожи Оидзуми не водилось, так что эти ее слова значили немало. Она работала здесь, чтобы было чем платить за дополнительные занятия дочери, а до того ее уволили с семи других работ на неполный день. Только здесь ей удалось продержаться сравнительно долго. Семь – это своего рода достижение, думала я, не сводя глаз с экранов, когда услышала за спиной голос госпожи Оидзуми:

– Пока, до завтра.

– А, пока... – Я обернулась в кресле и вместо того чтобы спросить, с каких еще работ ее выгнали, сказала: – Кстати, выяснилось, что нам не разрешают получать здесь нашу почту, а я и не знала.

Своим тоном я надеялась дать понять, что на моей прежней работе это разрешалось, и вместе с тем намекнуть, что речь идет о получении чрезвычайно важного документа.

– Хочешь что-то заказать по Интернету? – не моргнув глазом, уточнила госпожа Оидзуми.

– Ну, вообще-то да, так уж получилось.

– А-а. Девушка, которая работала тут до тебя, хотела заказать DVD с аниме, но из-за длинного рабочего дня не могла оформить доставку на дом.

– И что же с ней стало?

– По-моему, взяла паузу ненадолго. Рано или поздно вернется, наверное. – С этими словами госпожа Оидзуми бросила взгляд на стенные часы. – Но я точно знаю, что проблема отчасти в том и заключалась, что это были DVD. В смысле, сотрудник из соседней комнаты однажды заказал чизкейк аж с Хоккайдо, чтобы съесть на работе, а господин Сомэя заказывает флуоресцентные чернила, которыми обычно пользуется.

– Но как же они их получают, если оформлять сюда доставку нельзя?

– Для них заказывает женщина из магазина. – Госпожа Оидзуми снова взглянула на часы, будто ей не терпелось уйти. – Но не более одного товара одной марки, и только то, что она считает по-настоящему нужным заказчиком. До завтра!

Она помахала рукой и унеслась из комнаты. Трудно было понять, какой она человек на самом деле – душевный или черствый. Видимо, сердце у нее доброе, но когда на пути возникают помехи, она становится резкой. И это, если вдуматься, означает, что она нормальный представитель человеческого рода.

Я поставила видео на паузу, вышла из комнаты и поспешила в подвальный магазин, все еще сомневаясь, что услышала от госпожи Оидзуми чистую правду. В любом случае, если ей пора было уходить, значит, близилось время моего ужина. Точно так же, как и вчера, сегодня в обеденное время магазин был тускло освещен. Но теперь, как следует осмотревшись по сторонам, я увидела и скопление флуоресцентных чернил в углу секции с канцелярией, и свисающее со стойки с колготками и мужскими носками объявление: «Чизкейк за полцены! С истекающим сроком годности». На всех карандашах изображались созвездия, как на сувенирах из планетария, а все бумажные платочки были одной конкретной марки и рекламировались как «любезные носу». Имелись здесь и большие упаковки чистых DVD, и запасы очень мягких механических карандашей. Конверты для денег к свадьбам и похоронам были здесь не стандартными, с красным и белым рисунком, а более дорогие, с элегантными бумажными лентами нескольких разных цветов. В самый угол магазина, с глаз долой, убрали стопку из десяти экземпляров книги под названием «Медитация для умственного отдыха». Действительно, если продуктов питания вроде хлеба, онигири и напитков здесь насчитывалось несколько разных марок, то во всех остальных категориях каждый товар был представлен лишь одной маркой.

– Никогда раньше не замечала, что вы продаете книги.

– Да. Когда распродадим эту, завезем другую, – коротко ответила продавщица. Держалась она, конечно, дружелюбно, но что-то в ее поведении указывало, что под этим слоем дружелюбия скрывается обширное озеро неуступчивости.

– Если можно, я хотела бы попросить вас заказать чай мате. В смысле, не готовый напиток, а листья для заварки.

– Хорошо. – В мгновение ока она достала свой планшет и уже открывала сайт заказов по почте. – Какой вы хотите?

После долгих колебаний я выбрала третью по дешевизне марку из длинного списка имеющихся в продаже видов чая мате. Продавщица достала листок бумаги, положила его на планшет и написала памятку самой себе.

– Я направлю запрос моему начальнику от вашего имени.

– Так значит, решения принимаете не вы?

– Нет! К сожалению, нет.

– А, ясно, хорошо.

Испытав неожиданный трепет при мысли о том, как у них тут все устроено, я собралась было уйти, но передумала. Раз уж я здесь, можно заодно и купить что-нибудь, решила я и выбрала булочку с начинкой из сладкой пасты адзуки и маргарина и к ней бутылку мате.

– Получится триста иен!

Вот ведь, думала я, расплачиваясь, целых сто пятьдесят иен за булочку с адзуки и марга-рином. Поднимаясь по лестнице, я размышляла, не слишком ли этот магазин нацелен на получение прибыли. Булочка, которую я съела за своим столом, меня не разочаровала. Пожалуй, за нее следовало бы даже приплатить. И на правом, и на левом экранах состояние Ямаэ Ямамото казалось хуже обычного. Он откинулся на спинку офисного кресла так далеко, как только смог, не сводя глаз с монитора. За час ему удалось написать всего одну строчку. После булочки я заметно оживилась, но теперь меня начинало одолевать беспокойство за объект наблюдения.

Длинный рабочий день, необходимость постоянно сидеть неподвижно, пронзительная скука – стоило мне начать перечислять недостатки этой работы, и я могла бы продолжать вечно, но, разумеется, были в ней и свои плюсы. Например, время, которое мне приходилось тратить на болтовню с коллегами, оказалось предельно малым. Далее, поскольку другое начальство, кроме господина Сомэя, поблизости отсутствовало, все его подчиненные находились на одном уровне, что значительно упрощало рабочие взаимоотношения. И потом, господин Сомэя излишней авторитарностью не отличался, так что достаточно было как следует вести наблюдение и сдавать ему добросовестно написанные отчеты, чтобы не получать выговоров. Судя по его постоянно усталому лицу и тому, что каждые три дня на кухонной полке появлялась новая банка кобутя со вкусом умэ, можно было с уверенностью предположить, что у него попросту не осталось сил сердиться. Прекрасно сознавая, как это некрасиво с моей стороны, однажды я отсыпала у него немножко заварки, просто на пробу, и напиток из нее оказался настолько вкусным, что стало понятно, почему хочется пить его постоянно. Только тревожило, как меняется от такого питья уровень натрия. Впрочем, с другой стороны, я ни разу не видела никаких признаков того, чтобы господин Сомэя что-нибудь ел, так что, возможно, этот чай служил ему заменой пищи. Тревожная мысль. Она определенно объясняла его худобу, но мне хотелось, чтобы эти предположения были ошибочными.

На прежнем месте работы мне зачастую с трудом удавалось выбрать, что бы съесть на обед, но вскоре после того, как я устроилась сюда, эта проблема исчезла – еще один плюс. Все решилось просто: когда я не знала, что съесть, я выбирала то же самое, что ел Ямаэ Ямамото. Разумеется, поскольку размах моей кулинарной деятельности был ограничен походами в круглосуточный супермаркет и короткими вылазками домой, я не всегда могла приготовить все то же, что и Ямаэ Ямамото при его обилии свободного времени, но по крайней мере его трапезы служили мне источником вдохновения. Если он затевал набэ с нарезанной полосками свиной, тофу и кимчи, то и я стряпала версию для бедных – покупала в круглосуточном жареный тофу и капустные рулеты со свиной из тех, которые держали на слабом огне в кастрюле с бульоном, и добавляла к ним кимчи.

Продолжая наблюдать за Ямаэ Ямамото, я также заметила, что начала зариться на все полезные с виду приспособления, которые у него имелись, вроде длинной магнитной полосы на кухонной стене, куда он вешал ножи, тонкой силиконовой штучки в виде птички, чтобы вычищать пыль из клавиатуры, и сушилок для одежды с множеством прищепок для мелких предметов. Однажды я ни с того ни с сего увеличила изображение сушилки и посчитала, сколько на ней прищепок: пятьдесят. Хотя Ямаэ Ямамото и жил один, он менял обе пары носков, которые надевал одну поверх другой, каждый день, не говоря уже о нижнем белье, так что прищепок ему вечно не хватало.

Положив глаз на что-нибудь в его доме, я отыскивала эти вещи в Интернете и помечала страницы закладками. Но до покупки дело пока не доходило, потому что получить доставленный заказ я смогла бы лишь глубокой ночью – в единственное время, когда бывала дома. Правда, я жила у родителей, так что, наверное, могла бы попросить их, но я и так стыдилась

того, что вернулась домой, и вдобавок к этому просьбы получать доставленные мне заказы выглядели бы нестерпимо унижительными.

Эта странная ситуация, в которую я себя поставила, – когда объект моих наблюдений разжигал во мне страсть к потребительству, но удовлетворить ее я не могла, – привела меня в состояние серьезного стресса. Я как будто целыми днями смотрела телеканал, где Ямаэ Ямамото был не только единственным персонажем всех основных передач, но и звездой всей рекламы. Мне хотелось время от времени наблюдать за другими людьми. По словам госпожи Оидзуми, меняться объектами с коллегами разрешалось только после приобретения достаточного опыта такой работы, но будучи новичком, не продержавшись здесь и месяца, я еще не заслужила даже права задумываться о возможности обмена.

Я не сказала бы, что считала эту работу хорошей, но постепенно привыкла проводить в этом здании все свое время. Сегодня для ночного перекуса я сделала бутерброд из ветчины и сыра, принесенных из ближайшего супермаркета, и бублика, купленного в подвальном магазине, и разогрела его в микроволновке, в кухне для сотрудников. Вкус булочек с яkisобой, за которыми я обычно бегала, меня полностью устраивал, поэтому у меня нечасто возникали порывы съесть то, за чем требовалось побегать, чтобы собрать, но посмотрев, как Ямаэ Ямамото соорудил нечто подобное, чтобы перекусить поздно ночью, я в приступе зависти сумела найти в себе силы. С моей точки зрения, получилось изумительно, но Ямаэ Ямамото, кажется, остался не в восторге. Может, такие бутерброды он делал постоянно и уже привык к их вкусу, а может, просто был не в настроении, потому что работа продвигалась не так, как ему хотелось бы.

Я попробовала расспросить госпожу Оидзуми.

– Вы никогда не замечали, что начинаете подражать людям, за которыми наблюдаете?

– О да, постоянно, – закивала она. – Некоторое время назад, еще до прошлого объекта, была у меня одна – на двадцать лет моложе меня, с работой в штате и на полную ставку, и хотя платили за эту работу немного, моя подопечная выглядела очень стильно. И я начала обращать внимание на то, что она покупает, заимствовала всякие идеи насчет моды, продуманных способов носить аксессуары, а немного погодя взяла да и опробовала их на себе. И опомниться не успела, как услышала от дочери, какая я теперь шикарная и стильная.

– Надо же!..

– Господин Сомэя уже много лет занят этой работой, но он говорит, что такое и с ним порой случается до сих пор.

– Правда? Что именно?

– Ну в подробности он меня не посвящает.

И госпожа Оидзуми начала объяснять, что Ямаэ Ямамото готовит разве что набэ, так что новых кулинарных идей он ей не подает, а потом спросила, как вычислить площадь параллелограмма. Оказалось, по просьбе ее дочери.

Почему-то встревоженная легкостью вопроса, я ответила:

– А разве это не длина основания, умноженная на высоту?

– Верно, ну конечно... – закивала она. – Просто я редко сталкиваюсь с параллелограммами в повседневной жизни, вот и все. – И она ушла домой.

Завидуя ее возможности уйти вот так просто, я перевела взгляд на экраны и двух Ямаэ Ямамото – у обоих дело явно не клеилось. Госпожа Оидзуми работала в этой компании неполный день, в то время как я числилась на испытательном сроке по контракту. Когда испытательный срок закончится, меня – если сочтут подходящей, – повысят в статусе, сделают официальным сотрудником компании, а значит, заключат со мной бессрочный договор. Лично я предпочла бы неполную занятость с почасовой оплатой, даже если при этом проиграю по деньгам. Но госпожа Масакадо такой вариант, как неполная занятость, не озвучивала, так что, возможно, компания нанимала новых сотрудников только на полный рабочий день. Интересно,

можно ли попросить перевести меня на неполную занятость уже на этом этапе? И к кому обращаться по этому поводу? Видимо, к господину Сомэя.

На одном из двух видео Ямаэ Ямамото, похоже, махнул на работу рукой и начал изучать какую-то рекламу. Я увеличила изображение и увидела информацию о специальных предложениях ближайшего супермаркета – того самого, записи с камер наблюдения в котором просматривала госпожа Оидзуми. Помня о том, что он открыт до полуночи, я пробежала рекламу глазами, пока Ямаэ Ямамото прокручивал ее на экране. Вместе мы просмотрели весь список – от товаров повседневного спроса, вроде бумажных полотенец, до закусок, перешли к овощам, затем к мясу, и вдруг мой взгляд упал на предложение «немецкий вурст, 1 кг». На фото рядом я опознала не что иное, как килограмм белых колбасок. Этикетка извещала, что они стоят «498 ИЕН!!!!!!» Цена казалась до смешного выгодной. Видимо, и Ямаэ Ямамото пришел к тому же выводу, потому что не спешил отвести взгляд от этой рекламы. Я устала на время, отображающееся у меня на панели задач. Через пару часов пойду домой, решила я, а по пути куплю колбасок за «498 ИЕН!!!!!!» И пусть только попробуют меня остановить.

На следующее утро короткий путь от моего дома до места работы я проделала униженная и несчастная. В собственную глупость верилось с трудом. Но когда я задумалась, перебирая события прошлого, пришлось признать, что настолько дурацкие ошибки для меня отнюдь не исключение. И все же! Почему я не додумалась посмотреть, когда действительно это предложение? Почему вчера, пока я следила, как Ямаэ Ямамото глазеет на рекламки, меня не осенило, что на самом деле это позавчерашний Ямаэ Ямамото и что срок действия специального предложения, на которое он таранился, истекал в тот же день? Если бы я задумалась хоть на секунду, до меня дошло бы, но перспектива добыть вурст задешево так захватила меня, что даже мысли о сроке действия не мелькнуло. Рывок в супермаркет и прибытие перед самым закрытием, за пять минут до полуночи, были совершенно напрасными. Правда, до супермаркета от офиса всего пять минут пешком, так что обошлось без катастрофы, но за последние два рабочих часа мое нетерпеливое предвкушение колбасок достигло масштабов помешательства, так что когда в магазине меня известили, что специальное предложение больше не действует и все колбаски распроданы, я впала в состояние шока средней тяжести. «А я аж три кило ухватила», – доложила мне какая-то женщина, посчитав нужным вмешаться. «Даже в холодильник не все влезли», – добавила она, повернулась ко мне спиной и отошла, довольно хихикая. В этот момент я поняла, что именно чувствуют убийцы. Вдобавок у меня возникло на редкость отчетливое ощущение, что завтра мне не захочется идти на работу. Хотелось полентяйничать дома, упиваясь жалостью к себе. Или с силой протаранить ту тетку магазинной тележкой и выбежать из магазина.

Но рассвет наступает даже после ночей, полных настолько черных мыслей, как мои вчерашние. С физиономией, напоминающей подошву стоптанного башмака – вообще-то почти таким же лицом я щеголяла на заключительных стадиях моей прежней работы, – я перешла через улицу перед моим домом и в очередной раз вошла в офис компании наблюдения. Само

собой, никому не нравится, когда работа слишком далеко от дома, но и слишком близко – тоже не предел мечтаний. В этом случае на работе оказываешься, не успев стряхнуть с себя дремотную вялость. Мой рабочий день начинался с десяти, вроде бы достаточно поздно для раскочки, но когда каждый вечер возвращаешься домой в двенадцатом часу, такой режим работы перестает казаться заманчивым.

Я включила мониторы, запустила компьютер, загрузила новые, вчерашние записи на левый экран, а сделанные после позавчерашнего похода Ямаэ Ямамото в супермаркет – на правый. После шопинга Ямаэ Ямамото всегда был свеж и полон жизни, словно заново родился. Его покупки были не настолько многочисленны, чтобы говорить о любви к шопингу как таковому, так что я предположила, что этот новообретенный пыл – результат временного избавления от тяжелой необходимости часами напролет сидеть на одном месте. Я тоже часами сидела неподвижно, но в отличие от Ямаэ Ямамото, который мог распоряжаться временем по своему усмотрению, единственным доступным мне развлечением оставались походы за обедом. Стало быть, у Ямаэ Ямамото больше свободы передвижения, чем у меня.

На левом экране вчерашний Ямаэ Ямамото мучился со своей работой, скрестив руки на груди, как обычно. Послешопинговый Ямаэ Ямамото на правом экране приготовил себе простую еду – собу, посыпанную мелко нарезанным зеленым луком, с полосками жареного тофу и мелко нашинкованными водорослями комбу, – потом поспешно вернулся к письменному столу, включил телевизор и пишущий DVD-плеер. И почти сразу же на экране замелькали начальные титры специального выпуска стендап-комедии. У меня невольно вырвался возглас досады. Я как раз вспоминала, что эта передача скоро должна выйти, и вот теперь обнаружила, что она уже вышла не далее как на днях. А я ее пропустила. Почему никто не предупредил меня, скорбно гадала я. При том режиме, в котором я живу, мне просто больше неоткуда узнать.

Оказалось, что просмотр стендапа без звука – прямо-таки мастер-класс по фрустрации. Я прищурилась, скривилась, пытаюсь разобрать, что они там говорят, но все было напрасно. Невозможно было даже определить, как их принимают зрители. Ямаэ Ямамото хохотал, нацелив палец в экран. Похоже, он веселился всюду. Посмотрев три выступления, он проверил, сколько еще осталось до конца, поставил запись на паузу и ушел в кухню. Я сильно сомневалась, что именно в этот момент он достает из тайника контрабанду или получает новую партию, но правила есть правила, и я переключилась на запись из кухни, где застала объект с улыбкой вынимающим какие-то белые цилиндрические предметы из холодильника. Это был тот самый вурст – проклятый вурст, в котором мне отказали. Ямаэ Ямамото быстро вынул пачку, достал из нее две колбаски и ножом нарезал на круглые ломтики. Потом поставил на плиту сковородку, чтобы поджарить их.

Злость закипела во мне. Объект смотрел передачу, которую я не сумела записать, жарил вурст, который я не сумела купить. Колбаски поджарились мгновенно, Ямаэ Ямамото выдал в посудинку немного кетчупа и сверху посыпал его порошком карри. Вероятно, в эту смесь он собирался макать колбаски.

Поставив на паузу позавчерашнюю запись, я налегла всем весом на подлокотники офисного кресла и запрокинула голову назад. Какую безотрадную жизнь я веду! Да, я понимала. Разумеется, понимала, что в этом мире есть бесчисленное множество вещей гораздо более ужасных и тягостных, чем мои нынешние беды. Но на время мне требовалось разрешение выкрутить ручку моего несчастья на максимум. Я обязательно убавлю его, обещала я, убавлю сразу же. Самое позднее – послезавтра.

Свою прежнюю работу я считала достойной, но она регулярно обманывала мое доверие в том, что касалось характера и количества нагрузки, пока не наступил момент, когда я просто больше не смогла выносить ее. А потом, после увольнения и переезда обратно к родителям, когда моя страховка по нетрудоспособности стала заканчиваться, работу пришлось искать

снова. Но каким бы плачевным ни было мое положение, все время, пока наблюдала за Ямаэ Ямамото, я отчасти утешалась мыслью: до тех пор, пока за мной никто не шпионит, моя участь лучше, чем его. А теперь до меня вдруг дошло, что это не так.

Я поставила на паузу запись и на левом экране и поднялась на ноги – тяжело, как, должно быть, двигается медведь после спячки, наконец выбравшись из берлоги. Неверной походкой я побрела вон из комнаты и кое-как доплелась до магазина. Мне вдруг втемяшилось выпить чего-нибудь кисленького и терпкого. Газированного, в идеале – с привкусом кислой сливы и черного уксуса, но я же понимала, как мала вероятность найти подобный напиток. Однако молчала я так долго, что мне уже грозила опасность забыть, как надо дышать, и я, чтобы выпустить пар, в конце концов принялась с жаром объяснять сущность моих желаний продавщице.

– Ну что же, могу приготовить вам что-нибудь в этом роде, – жизнерадостно отозвалась она и шустро скрылась в глубине магазина.

Здравый смысл советовал остерегаться того, что состряпает мне эта женщина, но Ямаэ Ямамото так меня вымотал, что я, как мне казалось, уже была приучена выдерживать любой, даже самый значительный ущерб.

Наконец продавщица вышла с бумажным стаканчиком обычных размеров, вроде тех, какие выдает офисный автомат для питьевой воды, и вручила его мне. Жидкость в стакане имела бледно-золотистый оттенок и шипела от миллиона лопающихся крошечных пузырьков. На этом основании я сделала вывод, что получила в целом то, что хотела. Вдобавок жидкость пахла кислой сливой.

– Сколько с меня?

– М-м-м... Четыреста иен.

Ого! Недешево. А это «м-м-м» наверняка означало, что цену она придумала тут же на месте. Но когда я пригубила напиток, меня охватило мощное чувство, что это именно то, что мне требуется, чтобы воспрянуть телом и духом, поэтому я поставила стаканчик на пустую полку и отсчитала наличные. И стояла у той же полки, безуспешно пытаюсь вспомнить, что на ней лежало раньше, пока отпивала половину напитка, приготовленного для меня продавщицей. Уксус, углекислота, сахар. По сути дела, я закидываюсь наркотой, думала я.

– Книжка про медитацию распродана, так что мы принимаем предложения, чтобы заказать новую, – сообщила продавщица, указывая на свободное место на полке.

– Меня об этом лучше не спрашивать, – ответила я. – С тех пор как я выгорела на предыдущей работе, я не в состоянии читать.

Эти слова звучали как явное преувеличение, а между тем они были правдой – в некоторой степени. Если я прочитывала текст объемом больше одной стороны листа формата А4, на меня наваливалось такое уныние, что я теряла способность функционировать. И одновременно мой мозг активизировался, приводя меня в состояние полной боеготовности. До жути изнурительное сочетание.

– Кто первым пришел, того первым и обслуживают!

Я не сразу поняла, что продавщица меня вообще не слушала.

– Мне надо подумать, – ответила я и с нарастающим чувством беспомощности направилась к выходу из магазина.

С полным пренебрежением к моим чувствам она крикнула мне вслед:

– Да, подумайте и дайте мне знать!

Из-за тона ее голоса трудно было не почерпнуть из него толику утешения, так что пришлось напомнить себе, что эта же особа еще не удосужилась заказать мой мате и взяла с потолка цену моего кисло-сливового напитка.

Стаканчик я опустошила еще до того, как вернулась на свое рабочее место. Да, я определенно ощущала, что восстановила силы, но теперь глаза мне вновь должен был мозолить Ямаэ Ямамото, которому повезло гораздо больше, чем мне. Меня вдруг осенило, что лучше было бы

наблюдать за жизнью каких-нибудь счастливых, положение которых разительно отличается от моего, – новобрачных, или семьи с новорожденным, или того, кто выиграл в лотерею. А еще лучше, если эти люди будут кем угодно, но не японцами. Какие-нибудь только что поженившиеся эскимосы – идеальный вариант, или семейство патагонцев с младенцем, которому неделя от роду. Увы, наши объекты наблюдения – в основном люди, живущие не только в Японии, но и вблизи этого офиса.

По сравнению с везучими людьми положение Ямаэ Ямамото с его вялым и бессмысленным фрилансерством казалось ближе к моему, ведь меня измотала и добила работа, которую я любила. Вот почему я так хорошо понимала притягательность вещей, заслуживших одобрение Ямаэ Ямамото, вот почему чувствовала себя такой несчастной, когда лишалась возможности завладеть ими сама.

На левом экране Ямаэ Ямамото все еще сидел с мрачным видом перед своим компьютером. На правом Ямаэ Ямамото, поедая вурст и смеющийся за просмотром стендапа, рано или поздно тоже должен был сесть за работу и вскоре прийти в состояние, практически неотличимое от представленного на левом экране. Я уже была готова посочувствовать этим двоим, но потом вспомнила, что у того, который справа, по крайней мере живот набит колбасками, и укоризненно покачала головой, глядя на него.

«В отчаянной попытке стряхнуть с себя усталость, следствие работы допоздна, Матио допивал пиво. Пил так быстро, что опустошил высокую кружку всего тремя глотками. Сидя в углу ресторана-кусияки, он бормотал себе под нос: „Ох и устал же я“. Молодая официантка, не обращая на него никакого внимания, неприветливо приняла заказы от посетителей, затем с непроницаемым видом принялась обжаривать в масле нанизанные на шпажки шашлычки. Пряди ее челки, обесцвеченные до оттенка крафтовой бумаги, из какой делают конверты, выбились из-под банданы. „Сегодня я не отказался бы от вёшенок в беконе с семенами гинкго и перепелиными яйцами“, – думал Матио».

Да нет же, ты все перепутал, думала я. В предпоследней главе Матио свалился с пищевым отравлением, объевшись как раз теми самыми семенами гинкго, и все выходные у него пропали впустую. Согласно хронологии романа, с тех пор прошла всего неделя, так что Матио никак не мог забыть зловещие гинкго так быстро. И потом, разве сам Матио не говорил, что уходит из офиса, чтобы заканчивать работу раньше, чем прежде? Если так, вряд ли у него накопилось столько усталости, чтобы «в отчаянной попытке стряхивать» ее с себя. И не лучше ли в первом предложении «работу допоздна» заменить «целой рабочей неделей»?

Я уменьшила изображение компьютера Ямаэ Ямамото, склонила голову набок и присмотрелась к нему самому. Сидя за столом и кропя не вполне связную чепуху, Ямаэ Ямамото будто

бы даже повеселел, продвигался приличным темпом, так что я рассудила, что он справится и без моих педантичных советов. И все же меня не покидали сомнения: неужели это и значит быть писателем? То есть просто писать, что в голову взбредет, как бы мало ни было смысла в этой писанине? Или это как раз случай работы в бешеном темпе, пока муза рядом, чтобы потом перечитать написанное и внести осторожные поправки? А Матио в романе Ямаэ Ямамото уже поглядывал на сидящую рядом женщину, которая заказала шпакки с одними только жареными на них семенами гинкго – четыре штуки. Да уж, теперь этот отрывок пересыпан семенами гинкго настолько густо, что придется Ямаэ Ямамото править предпоследнюю главу, чтобы поменьше повторяться. Неужели нельзя было выбрать устрицы или еще что-нибудь?

Устрицы! Да, устрицы – как раз то, что надо! Меня так и подмывало сообщить Ямаэ Ямамото решение, на которое я наткнулась, но политикой компании запрещалось давать контакты объекта тому, кто за ним наблюдает. Наблюдателям ни при каких обстоятельствах не разрешалось оказывать давление на объект, если оно не было связано напрямую с целями наблюдения. В случае какой-нибудь неприятной неожиданности, которая требовала бы выхода на связь, нам полагалось обратиться к господину Сомэя, хотя и он в этой ситуации сделал бы лишь одно: передал информацию выше по цепочке, поскольку даже он не знал ни адресов, ни телефонных номеров объектов. Однажды, сразу после того, как один из объектов уехал со всей семьей на выходные в «Токийский морской диснейленд», наш сотрудник заметил небольшую утечку тока из телевизора, принадлежащего объекту. Через пятнадцать минут после передачи этой информации господину Сомэя пожарный и электрик без лишнего шума были направлены в дом объекта, где устранили неисправность. Объект до сих пор понятия не имеет, что его дом чуть было не сгорел дотла.

– Не стану скрывать: где-то в голове шевелилась мысль – да пусть себе горит! Будет знать, как иметь такую идеальную жизнь, – признался мне тот самый сотрудник, когда мы случайно встретились на кухне. И разговорились, пожаловавшись друг другу на подвальный магазин.

Я рассказала ему про свою эпопею с мате, а он – что женщина из магазина отказалась заказать DVD с аниме, о которых он попросил. Я видела его имя, но оно состояло из редких кандзи, так что я понятия не имела, как оно читается, и пока решила мысленно называть его господином Аниме.

– У того типа с телевизором трое детей, и он обращался с ними так, ну, знаете, – по-диктаторски. Когда пора было садиться за стол, говорил детям: «А ну живо идите есть, мелюзга тупая». Ни за что не сказал бы такое родным детям, если бы они у меня были. С другой стороны, я ведь не женат. Вообще-то я даже девушку найти не могу, да еще застрял на этой работе, которая ни шиша не стоит. Вроде как порой тревожно становится за себя.

Господин Аниме отличался упитанностью, носил очки и с виду был лет на пять моложе меня. Я спросила, диски с каким аниме он просил заказать продавщицу.

– «Темный кристалл», – ответил он, – и еще другой, о котором вы вряд ли слышали.

Я не слышала даже о первом, так что решила, что выспрашивать название второго не имеет смысла. По словам господина Аниме, который работал здесь уже три года, следить поручают в основном за объектами того же пола и приблизительно того же возраста, что и наблюдатель. Но иногда тебе достаются объекты, наблюдать за которыми в буквальном смысле невыносимо.

– Знаете, как это бывает – в классе обязательно найдутся один-два человека, которых терпеть не можешь? Ну вот, это тот же случай, – объяснил он.

Тип, у которого розетка с включенным в нее телевизором начала искрить, оказался как раз из таких, и пока господин Аниме занимался им, работа внушала ему ужас. По-видимому, несовместимость такого рода – настолько обычное явление, что сотрудники объединяются, чтобы если кого-нибудь из них приставят к тому, кого он не выносит, можно было договориться и поменяться.

– И вы обязательно присоединяйтесь, когда попадете в штат, – посоветовал он мне.

Я рассказала господину Аниме о случае с колбасками, и он со странно-горделивыми нотками в голосе ответил, что я еще и половины всей правды не знаю.

– Только никому не говорите об этом, – предупредил он, прежде чем продолжить, – но если продержитесь на этой работе довольно долго, повидаете всякое – и как супружеские пары занимаются сами знаете чем прямо перед камерой, и домашние скандалы, за которыми даже наблюдать со стороны и то неприятно.

Перебранки по мелочам – это еще куда ни шло, – сказал он, – но когда они вцепляются друг другу в волосы из-за денег, опеки или присмотра за детьми, тогда хоть смотреть бросай.

Он потупился и допил остатки своего энергетика «Чистое золото». А я ощутила внезапный прилив благодарности к Ямаэ Ямамото за монотонность образа его жизни и в то же время осознала, с каким риском сопряжено для меня пребывание на этой работе.

Господин Аниме явно собирался сказать что-то еще, но я его опередила:

– Нельзя ли узнать, как читается ваша фамилия?

– Масакари, – ответил он.

По крайней мере, хоть что-то прояснилось, думала я, возвращаясь к себе в кабинку, но неувязки в писанине Ямаэ Ямамото так беспокоили меня, что я была не в состоянии сосредоточиться. Правда, мне, строго говоря, полагалось отслеживать только все подозрительные перемещения, а для этого особая сосредоточенность не требовалась. Я никак не могла решить, раздражает ли его благодушие, несмотря на скверно выполняемую работу, или, наоборот, умиляет, или так ему и надо за прошлые провинности, или что еще.

Уже примерно неделю Ямаэ Ямамото работал над текстом про этого Матио – видимо, романом. Этот проект был у него не единственным: в отдельные периоды он писал что-то другое. У меня сложилось впечатление, что он не столько беллетрист, сколько специалист широкого писательского профиля, но поскольку я до сих пор была не в состоянии прочитать больше одного листа формата А4 в день, моим предположениям недоставало уверенности. Мне приходила в голову мысль, что наблюдать за этим объектом поручили мне именно потому, что я просто не могла излишне увлечься тем, что он пишет, хотя в оценке ситуации я могла и перемудрить.

На левом экране Ямаэ Ямамото задремал, скрестив руки на груди, и я нерешительно нажала быструю перемотку вперед. Наблюдая за ним уже достаточно долго, я научилась различать, когда он просто отдыхает с закрытыми глазами и когда на самом деле дремлет. Просто отдыхая, он кренился телом влево, а засыпая, свешивал голову вправо. На другом экране он встал и направился в кухню. Судя по всему, работа не клеилась, и он решил выпить чая.

Я сама вернулась из кухни меньше часа назад, но все равно заерзала и принялась строить туманные планы очередного похода в подвальный магазин, когда пришла госпожа Оидзуми. Она несла раздувшуюся от покупок сумку, дрожала и непрерывно кляла холодину. Госпожа Оидзуми часто заходила в магазины по пути на работу. Когда я спрашивала ее, как она потом поступает с купленным мясом, рыбой и так далее, она объясняла, что просто кладет их в холодильник на офисной кухне.

– В подвальный магазин завезли новую книгу, – сообщила она, высунув голову из-за перегородки, так что мне пришлось повернуться к ней.

– Какую?

Она стала рыться в своей сумке, склонив голову набок и приговаривая: «Забавно, а я думала...» Решив, что она, должно быть, не расслышала мой вопрос, я вернулась к работе. Спустя некоторое время послышался ее возглас: «А, вот она!» – и стук по перегородке. Я поднялась и заглянула к ней.

– Вот, смотрите! – Она показала мне тонкую книжицу в мягкой обложке. – Дочь с недавних пор замечает, какой у меня бедный словарный запас, вот я и решила начать больше читать,

ну знаете, чтобы его пополнить. Но я не знаю ни единого писателя, вот и купила эту книгу у нас в магазине.

В руках у нее была книга под названием «Пляски с павианом». Автор – Ямаэ Ямамото. Герою книги, как сообщала задняя сторона обложки, достался в наследство павиан из нелегального зоопарка, и он решил занять этого павиана черной работой – поручить ему забирать почту, оплачивать счета за воду и электричество, стирать белье. Он и опомниться не успел, как этот павиан постепенно начал завладевать его жизнью. Последнее предложение аннотации гласило: «Но подлинна ли преданность павиана или же все это зловещая уловка?..» Да плевать мне, подумала я. Значит, вот какую книгу решил заказать магазин? И кто же, скажите на милость, сделал такой запрос?

Возвращая книгу госпоже Оидзуми через щель в перегородке, я думала: если уж вам вздумалось пополнять словарный запас, наверняка нашлось бы великое множество книг куда лучше этой.

– Вы правда не смогли вспомнить ни единого писателя?

– Эм-м... Нацумэ Сосэки? – отозвалась госпожа Оидзуми, забирая у меня свой экземпляр «Плясок с павианом».

Вскоре я услышала из-за перегородки ее возглас:

«О, как мило!» По-видимому, она просматривала запись похода Ямаэ Ямамото за покупками и одновременно читала его книгу. Разумеется, не существовало правила, которое запрещало бы нам читать результаты творчества объектов наблюдения, но от этой мысли мне стало так неудобно, что по коже побежали мурашки. Впрочем, госпожа Оидзуми ничуть не смущалась.

Ямаэ Ямамото на левом экране передернулся и разом открыл глаза. Посидел пару минут, прижимая ладонь ко лбу, потом принялся барабанить по клавишам. Любопытствуя, что может написать только что проснувшийся человек, я увеличила изображение и прочла: «Ай, да неохота мне работать».

Ну что, логично. Было слышно, как за перегородкой госпожа Оидзуми снова роется в сумке. Потом я увидела, как она уносится в сторону кухни с банкой йогурта в руках.

Со временем мои пристрастия стали все больше и больше совпадать с привычками Ямаэ Ямамото, и в конце концов я перестала искать что-либо по своей инициативе. Сама по себе я не такая уж материалистка, и Ямаэ Ямамото покупал не так много, но он, видимо, тщательно обдумывал каждую покупку – скорее всего, из-за недостатка средств. В этом смысле он стал для меня отличным образцом для подражания. Оказалось, что в подвальном магазине есть в продаже и подвязки, которые он надевал на ноги ниже колен, чтобы способствовать кровообращению, когда приходилось подолгу сидеть, и шариковые ручки с быстросохнущими чернилами, которые он предпочитал, так что я купила и то и другое. Это благодаря вылазкам Ямаэ Ямамото в интернет-новости я узнала, что решено снимать десятый сезон одного американ-

ского детективного сериала. А когда Ямаэ Ямамото вновь и вновь смотрел, как в записанном матче Кевин Гросскройц забивает гол, я ликовала вместе с ним.

Мало-помалу у меня возникало ощущение, будто я живу рядом с Ямаэ Ямамото, делю с ним радости и печали, удовольствия и муки. Нет, пожалуй, это уже чересчур, но хотя бы насчет радостей и удовольствий все верно. А если и не печали, то его скуку – определено. Всякий раз, когда шел дождь, Ямаэ Ямамото становился еще сонливее, чем обычно, то и дело клевал носом, сидя на стуле, и спустя некоторое время я обнаружила, что вздремываю вместе с ним. То время, пока объект спал, было моей единственной возможностью быстро перемотать запись вперед, и все эти шансы я упускала, потому что тоже спала. Мне предстояло еще многое узнать об этой работе. Госпожа Оидзуми регулярно отчитывалась мне о том, как продвигается чтение «Плясок с павианом». Похоже, ее пределом были всего две страницы в день. Зато ее дочь уже дочитала книгу. Ее вердикт? «Ничего особенного».

И когда я уже начинала думать, что без проблем смогу наблюдать за этим человеком еще годик – полагаю, иными словами, когда я наконец свыклась с этой работой, – поведение Ямаэ Ямамото изменилось в неожиданную сторону.

В какой-то момент он начал поглядывать в сторону камер. С самого начала камера в той комнате, где он работал, была спрятана в шкафу, стоящем наискосок от него, а камера в кухне – в шкафчике над раковиной. И вдруг с недавних пор он начал оглядываться, пока сидел за компьютером, и смотреть вверх, когда готовил. Казалось, его особенно беспокоит то, что происходит у него за спиной, пока он работает.

Какими бы товарищескими чувствами я ни прониклась к моему объекту, меня все равно передергивало, когда наши взгляды встречались сквозь экран. Неужели он просек, что за ним наблюдают? Но если да, неужели не стал искать камеры? Однако его настороженность казалась какой-то беспредметной. Кто-то проболтался, подумала я. Но, насколько я знала, связи Ямаэ Ямамото с внешним миром ограничивались взаимодействием по работе и чрезвычайно малозначимым общением с друзьями. К нему домой являлись только курьеры. Никто ему не звонил. Иногда он пользовался телефоном, чтобы договориться сходить куда-нибудь поесть с друзьями, но до всех предстоящих походов оставался как минимум месяц.

Меня все сильнее нервировало то, как объект, только что всецело поглощенный работой, уже в следующий момент глядел прямо мне в глаза. У меня даже появились предположения, что он, возможно, с самого начала знал, что за ним наблюдают, и ничего не имел против. А сейчас, возможно, решил, что пора наконец дать мне понять: ему известно о нас. В качестве первого шага я посоветовалась с госпожой Оидзуми.

– Да у него, наверное, просто шею сводит, – высказалась она.

Хотя ее дочь и не нашла в «Плясках с павианом» ничего особенного, госпожа Оидзуми явно наслаждалась чтением и признавалась мне, что начала с нетерпением ждать ежедневного прихода на работу, чтобы наконец почитать. Разумеется, я не стала с ходу отвергать предположение, что все эти взгляды, брошенные назад, объясняются исключительно проблемами с шеей Ямаэ Ямамото, но выявленная возможность не избавила меня от беспокойства, так что я решила донести его до сведения господина Сомэя.

– Хм-м... – отозвался он, выделяя что-то в чужом отчете ядовито-зеленым маркером. – Интересно, не из-за той ли это передачи? Видите ли, в прошлый четверг по телевизору показывали специальный выпуск передачи про страшные истории о призраках, и один из сюжетов был посвящен призраку маньяка с топором, который оказывается на тридцать сантиметров ближе всякий раз, стоит обернуться.

Господин Сомэя сообщил об этом совершенно невозмутимо. Я знала, что Ямаэ Ямамото захлеб смотрит эту передачу, отметила это в своем отчете как одну из составляющих его обычного поведения, но особо об этом не задумывалась.

– А в чем там суть?

– Некий человек был убежден, что жена ему изменяет, поэтому он убил всю свою семью, а потом покончил с собой, и лишь потом стало известно, что насчет измен он заблуждался. В загробной жизни его так одолело раскаяние, что он решил избрать своей мишенью каждого, кто задумал загубить чью-либо жизнь.

– Но это же бессмысленно, разве нет?

– Вообще-то, да. Но понимаете, логика призрака и все такое.

Господин Сомэя объяснил мне, что постепенным приближением призрак преследует единственную цель: вселить в свою жертву жуткое чувство страха и тем самым заставить ее страдать как можно сильнее. Иными словами, он делает это чисто из вредности. Но, по словам медиума, приглашенного на передачу, поскольку поведение призрака – следствие «непоправимой ошибки», его уже ничем не изменишь. Потом господин Сомэя признался, что сам передачу не смотрел, но когда прочитал мой отчет, нашел информацию о ее содержании в блогах. Ого, подумала я, вот это профессионализм! И тут же напомнила себе, что он и впрямь профессионал, по крайней мере в своем деле, так что причин удивляться, в сущности, нет.

Затем господин Сомэя предположил, что взгляды, которые Ямаэ Ямамото направлял вверх в кухне, можно объяснить старой кофеваркой, которая хранится там в шкафчике. Камеру на полке над раковиной установили, просверлив крошечное отверстие в дне шкафчика и пристроив камеру в запечатанную коробку с тарелками. Ямаэ Ямамото ни разу за все эти три месяца не открывал шкафчик, но если он начал теперь проявлять к нему интерес и в конце концов решит разобрать его содержимое, наши дела плохи. Приблизительный список вещей, хранящихся в шкафчике, мы получили от сотрудника, который подключал камеру, – видимо, в этом списке и значилась кофеварка. Но с чего вдруг она заинтересовала Ямаэ Ямамото?

– Он ведь, кажется, недавно писал о них статью?

– Да, писал. А сам он обычно пьет чай.

Не так давно я обнаружила, что убежденный «чайник» Ямаэ Ямамото пишет рекламный материал для марки кофе от производителя, поддерживающего честную торговлю, и лживо заявляет о своей преданности «кофейникам». С тех самых пор, возможно, поддавшись убедительности собственной лжи, он начал варить кофе и процеживать его через бумажные фильтры, но, по-видимому, не слишком успешно. И теперь, когда господин Сомэя упомянул об этом, вполне правдоподобным показалось предположение, что Ямаэ Ямамото вспомнил – у него же есть кофеварка, и сейчас вынашивал планы воспользоваться ею.

– Ах ты ж... Но проникнуть туда и убрать камеры мы тоже пока не можем. Видимо, придется организовать конкурс производителя кофеварок или что-то в этом роде и убедить его участвовать.

Бормоча, сколько предстоит мороки, господин Сомэя торопливо черкнул в блокноте для заметок: «Розыгрыш призов. Супермаркет?»

– Я могу чем-нибудь помочь? – спросила я, на миг вспомнив, что значит проявлять некую инициативу. Таких ощущений я не испытывала с тех пор, как ушла с прежней работы.

– Нет-нет, просто возвращайтесь к работе, – сухо отозвался он, и я, затаив смутное разочарование, уселась на свое место. Было бы неплохо время от времени заниматься не только просмотром отснятого видеоматериала.

Даже разумное объяснение поведению Ямаэ Ямамото от господина Сомэя не совсем убедило меня, и я, продолжая наблюдение, нервничала все сильнее. Как обычно, Ямаэ Ямамото оглядывался примерно каждые десять минут. «Призраков не бывает, а тебе достанется новехонькая кофеварка», – хотелось сказать ему, но было нельзя.

Перемены назревали вновь. В какой-то момент у Ямаэ Ямамото развилась страсть к наведению порядка в своей квартире. На этот раз причина была очевидна: недавно он написал пару заказных материалов про расхламление. Вот доказательство тому, насколько он внушаемый человек. Его квартира была великовата для единственного жильца, поэтому, несмотря на некоторый избыток вещей, захламленной уж точно не выглядела. Но теперь она постепенно начала становиться все более и более опрятной. Казалось, он наконец-то научился расставаться с вещами. Со временем это занятие стало как будто бы доставлять ему удовольствие. Сегодня, с легкостью избавляясь от коробки, полной словарей, он имел совершенно довольный вид. К слову об удовольствиях: оказалось, что и кофеварка, которую мы ему послали, тоже отправилась на выброс.

В конце концов мы позаимствовали название сайта доставки товаров почтой, которым всегда пользовался Ямаэ Ямамото, и прислали ему по электронной почте извещение о наборе волонтеров с целью оценки работы кофеварки: «Каждый соискатель, приславший ответ до такой-то даты, будет принят в качестве рецензента. Соискателям, прошедшим отбор, предлагается пользоваться кофеваркой в течение недели, а затем написать отчет на 800 слов. Всем соискателям, представившим отчеты, разрешается оставить тестируемый аппарат себе», – говорилось в письме, которое мы с господином Сомэя сочинили вместе. Установив ограничение по словам, мы апеллировали к профессионализму Ямаэ Ямамото как литератора – по крайней мере таким было наше намерение. Эта новая тактика была пущена в ход, когда опрос, проведенный в супермаркете и обещающий раздачу десяти тысяч кофеварок, не вызвал у него ни малейшего интереса. Когда господину Сомэя стало ясно, что его первый план провалился, он проконсультировался со мной, выясняя, какая уловка с максимальной вероятностью зацепит наш объект. До тех самых пор моя работа заключалась лишь в несколько бессмысленном наблюдении, поэтому я была польщена этой попыткой узнать мое мнение. А когда господин Сомэя зашел сообщить, что Ямаэ Ямамото послал заявку, и поблагодарить меня за помощь, я сочла, что действительно делаю то, что имеет значение. Мне и в голову не приходило, что на такой работе могут возникнуть подобные чувства.

– Понимаете, для того мы и закрепляем за каждым объектом одного сотрудника, чтобы тот как следует узнал этот объект, – объяснил мне господин Сомэя. По своей воле подобной информацией он делился редко. – Суть не только в том, чтобы пристально следить за ними и собрать достаточно доказательств, чтобы упечь их с гарантией. Надо еще и сочувствовать им, вникать в их образ жизни.

– А-а... – Я закивала, и до меня наконец дошло, что где-то в глубине души господин Сомэя по-настоящему любит свою работу.

Когда выбрасывание вещей начало доставлять Ямаэ Ямамото явное удовольствие, я почувствовала опасность. И упомянула о своих опасениях в отчете, а господин Сомэя согласился, что повод для беспокойства в самом деле есть. Вот почему теперь – увидев, как Ямаэ Ямамото выволок из дома мусорный мешок, чуть не лопающийся от разного домашнего хлама, а потом с чашкой кофе в руке и с задумчивым выражением лица распахнул стенной шкаф, вмещающий

его неправдоподобно огромную коллекцию DVD, – я незамедлительно позвонила господину Сомэя.

Запись была сделана поздно той же ночью, перед тем как Ямаэ Ямамото лег спать. Я сказала господину Сомэя, что если принять во внимание сравнительно импульсивный характер нашего подопечного, вполне возможно, он начнет разбирать DVD сразу же, как проснется. Господин Сомэя переключил мой монитор, и я впервые увидела видео из квартиры своего объекта в реальном времени. Как и ожидалось, в реальном времени Ямаэ Ямамото, одетый все в тот же флисовый халат, как и перед сном, стоял, бездумно уставившись на целую кучу DVD, возвышающуюся перед ним. Несколько дисков – видимо, первые десятки, попавшие в стенной шкаф, – были аккуратно разложены по пластиковым коробкам, но, похоже, в какой-то момент он решил не заморачиваться и остальные просто складывал стопками, выстраивая их до самого потолка. Дисков у него было так много, что от одной мысли о попытке пересчитать их мне стало дурно. Если бы Ямаэ Ямамото распродал их из багажника машины, у меня наверняка вырвался бы вопрос: «Почем вся партия?»

В одной из коробок с DVD, хранившихся у него в стенном шкафу, кто-то из его знакомых припрятал контрабанду. Внутренность его стенного шкафа я видела и раньше, когда только начала работать здесь, но, разглядывая ее теперь, кажется, поняла, чем было продиктовано решение людей, проводивших обыск. Столкнувшись с перспективой открывать одну за другой бесчисленные коробочки с дисками и осматривать их содержимое, я тоже предпочла бы наставить камер по всей квартире и уехать домой.

Так какой же из дисков – подкидывш? Порой я опасно приближалась к состоянию, в котором забывала задаваться этим вопросом, а выяснить это, разумеется, было главным в моей работе. Который из этих DVD Ямаэ Ямамото с наименьшей вероятностью купил бы сам? Еще в самом начале господин Сомэя проинструктировал меня сохранить в компьютере снимок экрана со стенным шкафом, чтобы на досуге подробнее ознакомиться с названиями, но у меня так и не дошли руки. С первого же взгляда было видно, насколько многообразна его коллекция: старые добрые фильмы вроде «Крепкого орешка», малоизвестные шедевры советской эпохи, масса ромкомов с Адамом Сэндлером, подборки старых детективных сериалов и даже диски с документальными фильмами, рекламирующими красоты японской природы. Словом, он смотрел все. Или, скорее, было несколько жанров, диски с которыми он имел, но не смотрел: эротические драмы, чрезмерно натуралистические ужасы и поп-концерты. Я полагала, что куплены они были в Интернете импульсивно, в минуту душевной слабости после целого дня утомительной работы.

На моих глазах Ямаэ Ямамото спокойно протянул руку и взял «Девушку из воды» – с наклейкой «ВСЕГО 100 ИЕН!», – лежащую наверху одной из стопок дисков. Поразмыслив немного, он положил диск обратно – на этот раз в стопку справа в стенном шкафу. Неужели тайник там, задумалась я. Он перевел взгляд на диск, лежавший под «Девушкой из воды», – «Помни». Посмотрел на него немного, положил к ногам. Глядя, как он сортирует диски, я быстро уловила основной принцип: в стопку он клал те, которые собирался оставить, к ногам отправлял те, с которыми решил расстаться.

Но он ведь не выбросит то, что кто-то дал ему на время? Ему же хватит ума не делать этого? Если так, в процессе сортировки обнаружится диск, отнесенный к третьей категории – а именно «вернуть хозяину», – и это наверняка будет диск с контрабандой внутри. По крайней мере, большинство людей так бы и поступили, но время шло, а третья стопка так и не появилась. Перебрать предстояло еще пять стопок, так что паниковать было еще рано, но когда мне пришлось в голову, что Ямаэ Ямамото вполне мог забыть, какой из DVD ему одолжили, меня охватило чувство безнадежности. Я думала, пришло наконец время применить знания, которых я набралась, ежедневно наблюдая за объектом, и которые помогут мне выявить подозрительный DVD, но несправедливо было бы ожидать от меня того, чего не знал сам объект.

Уйдя с головой в работу, Ямаэ Ямамото медленно, но верно разбирал диски. И не проявлял ни малейших признаков того, что вспомнил, какие из них взял у кого-то, и не откладывал их в сторону. Когда я увидела, что рассортировать осталось всего одну стопку, я позвонила господину Сомэя и объяснила, что объект, похоже, в самом деле забыл, что среди его дисков есть чужие.

Просмотреть осталось всего семь дисков, когда в комнату вошел господин Сомэя, разговаривая по мобильнику. Я услышала, как он отдает собеседнику распоряжение немедленно занять пост поблизости.

– Нет, мы все еще не знаем, выбросит он их или распродаст. Да-да, конечно, в первом случае было бы гораздо проще.

С этими словами господин Сомэя остановился у меня за спиной. Я предположила: если принять во внимание количество дисков, предназначенных на выброс, скорее всего, объект сложит их в коробку и сдаст куда-нибудь в букинистический, и господин Сомэя передал эту информацию человеку, с которым говорил по телефону.

В это время Ямаэ Ямамото вышел из стенного шкафа, вернулся с большой картонной коробкой с надписью «Пробуждение инков» и начал наполнять ее дисками, от которых решил избавиться.

– Что еще за коробка? – пробормотала я, и господин Сомэя отозвался:

– Есть такой сорт картошки.

Часть коллекции DVD, с которой Ямаэ Ямамото решил расстаться, была скромной по сравнению с его первыми экспериментами по расхламлению, однако и ее хватило, чтобы заполнить коробку, некогда вмещавшую несколько килограммов картофеля. Ямаэ Ямамото наклонился, чтобы поднять ее, но явно впечатлился ее весом, отказался от этой мысли и просто вытолкнул коробку из стенного шкафа. Дотащив ее до прихожей, он вернулся за телефоном и стал звонить.

– Должно быть, курьеру, – сказал господин Сомэя.

– Да, похоже на то.

Тогда господин Сомэя известил кого-то, видимо, нашего сотрудника, дежурящего возле дома Ямаэ Ямамото, о возможном развитии событий. Если курьер явится за коробкой, наш сотрудник должен перехватить его и попросить показать ее содержимое. Ему разрешили предложить вознаграждение, но не более ста тысяч иен. Происходящее стало казаться гораздо более реальным.

Явно взбодрившись в ходе сортировки и упаковки дисков, Ямаэ Ямамото коротал время в ожидании курьера за приготовлением кофе. Я переключилась на изображение с камеры в стенном шкафу и, чтобы немного успокоить нервы, попыталась сама определить, действительно ли он отдал диск с контрабандой. Мой взгляд задержался на «Лесной братве» и «Дэнни цепном псе» как потенциально сомнительных кандидатах, но потом я спохватилась: мультфильмы он любил, а подборке «Однажды в Китае», еще одному продукту Джета Ли, оказывал особое внимание и хранил ее тщательно сложенной в пластиковые коробки, так что ни то ни другое я не могла исключить из числа аборигенов его коллекции.

Ямаэ Ямамото отставил кофе, спокойно поднялся и быстро направился к двери. Курьер явился быстрее, чем я ожидала. Форма на нем была другая, не как у женщины, которая обычно доставляла заказы, поэтому я увеличила изображение и убедилась, что логотип на груди курьера принадлежит местному букинистическому магазину. Кажется, курьер не собирався оценивать товар Ямаэ Ямамото на месте, просто пришел, чтобы забрать его. Однако бланк заявки выглядел устрашающе сложным, и Ямаэ Ямамото пришлось потрудиться над ним. Даже через камеру ощущалось, насколько апатично ведет себя нескладный парнишка-курьер. Он сильно сутулился, время от времени отворачивался, чтобы покашлять в сторону. И гово-

рил, видимо, слишком тихо, потому что Ямаэ Ямамото то и дело переспрашивал, задавая ему вопросы насчет заполнения бланка.

Господин Сомэя известил нашего сотрудника, что прибывший курьер действительно из букинистического магазина, а не из сторонней компании по доставке. Он упомянул название магазина, затем, должно быть, услышал ответ, который его не устроил, потому что склонил голову набок и сказал в телефон:

– Нет, я имел в виду – возможно, вопрос будет заключаться не в деньгах.

– О чем вы? – спросила я. – Вопрос будет заключаться не в деньгах?

– Я хотел сказать, что денежного вознаграждения, возможно, будет недостаточно, чтобы убедить этого парня.

Я узнала, что у букинистического, о котором шла речь, весьма строгие правила. Работникам, занятым неполный день, вроде этого парня, которых обычно посылали за подержанным товаром для продажи, запрещалось даже останавливаться у торговых автоматов, чтобы купить бутылку сока, объяснил господин Сомэя. Он припомнил один случай, когда заскочил в этот магазин около полуночи, прежде чем сесть на последний поезд и ехать домой, и застал там того же сотрудника, которого в тот же день видел в магазине в обеденное время. Да уж, подумала я. Конечно, сидеть на стуле как приклеенной и непрерывно наблюдать за одним и тем же типом – далеко не подарок, но пахать сверхурочно в сфере торговли наверняка во много раз хуже.

Наконец справившись с бланком, Ямаэ Ямамото поклонился парнишке и отпустил его. Коробка от «Пробуждения инков» выглядела увесистой, и я беспокоилась, что тощий курьер с ней не справится, но потом заметила ждущую снаружи складную тележку и испытала неожиданное облегчение.

– Товар покинул дом объекта. Перехватите его, – сказал в телефон господин Сомэя.

Ямаэ Ямамото с глубоким облегчением потянулся и улегся на диван, не убрав кофеварку и полную чашку кофе. Видимо, утомился от множества принятых решений.

Я рассудила, что теперь, когда нашему сотруднику остается только предложить пачку наличных курьеру из букинистического и осмотреть содержимое коробки, моя работа тоже практически закончена, но, как оказалось, не тут-то было.

– Что?.. Он может дать вам всего пятнадцать минут? – Господин Сомэя был не из тех, кто афиширует свои чувства, и даже теперь его голос выдал лишь мизерную толику удивления. Он продолжал говорить по мобильнику: – И если он задержится дольше, чем разрешено правилами, ему придется отработать два часа сверхурочно, говорите?

Ужасно работать в таком месте, подумала я. Неудивительно, что курьер выглядел таким вялым. Тем не менее мы не имели права объяснять ему: «Есть вероятность, что в коробке содержится нечто весьма сомнительное», – и отнять ее силой, так что нашему сотруднику приходилось довольствоваться возможностью открывать футляры где-нибудь в углу парковки и пересматривать диски один за другим.

– Если бы мы только могли прийти к нему на подмогу! – задумчиво произнес господин Сомэя.

На экране Ямаэ Ямамото укрылся одеялом с головой и быстро уснул. Господин Сомэя попросил человека, с которым говорил по мобильнику, зачитывать названия дисков, и передавал их мне. «Гарри Поттер» показался мне подозрительным, и я предположила, что это он, но в футляре ничего не обнаружилось.

Заняться было нечем, и я следила за временем в углу правого экрана и ждала, когда будет найдена контрабанда. Интересно, поделят ли в этом случае бонус, о котором ходило столько слухов, поровну между мной, господином Сомэя и тем сотрудником, который сейчас просматривал диски. Впрочем, нет никакой гарантии, что контрабанду в самом деле найдут. Каким бы безалаберным порой ни казалось отношение Ямаэ Ямамото к собственной жизни, все же

оставался шанс, что ему хватит ума хранить позаимствованные у кого-либо DVD отдельно от остальных.

Время неумолимо шло, равнодушно к тому, что наше сокровище так и не объявлялось. Его не было в футляре с «Чебурашкой», и «Оазис» тоже оказался пустышкой. Господин Сомэя спокойно перечислял – «Колдунья», «Лезвия славы», «Царство динозавров 3D», – а я размышляла о том, что Ямаэ Ямамото, кажется, в последнее время разлюбил Уилла Феррелла. И на всякий случай взяла это наблюдение себе на заметку.

– Осталось десять секунд, – отметил господин Сомэя с обреченным выражением лица. – «Лающие собаки никогда не кусают», «Мадагаскар», – продолжал повторять он, потом сказал: – «Эффект бабочки».

И я невольно обернулась.

– Посмотрите в этом.

Я не могла бы с уверенностью сказать, что это тот самый диск, но почти не сомневалась, что Ямаэ Ямамото терпеть не может Эштона Кутчера. От госпожи Оидзуми я узнала, что в «Плясках с павианом» есть эпизод, в котором герой объясняет павиану, какой бездарь этот актер Эштон Кутчер, который ушел от Деми Мур к женщине помоложе, и как он, то есть герой, решил всегда ненавидеть этого актера, что бы он ни сделал в будущем. «Вот так я решил жить», – говорит герой павиану. Кроме того, я знала, что Ямаэ Ямамото любит животных, так что вероятность, что предыдущие два фильма принадлежали ему изначально, казалась довольно высокой.

– Нашли? – переспросил господин Сомэя, с облегчением опуская плечи. – Хорошо, тогда купите этот диск и отпустите курьера на работу.

Он повернулся ко мне.

– Вы молодец. Сегодня можете идти домой.

И он направился к выходу, а я воспользовалась случаем, чтобы спросить, что они нашли. Осталось неясным, когда наш сотрудник открыл футляр с «Эффектом бабочки», – после того, как меня осенило, или еще раньше, самостоятельно, – но мне казалось, я вправе узнать о находке.

– Драгоценные камни. Контрабандные. Подробнее завтра объясню, – скороговоркой отозвался господин Сомэя и поспешно вышел. На экране все еще крепко спящий Ямаэ Ямамото постепенно сползал с дивана.

На следующий день нам подробно рассказали об изъятой контрабанде. Знакомым, о котором шла речь, оказалась молодая женщина-редактор, с которой Ямаэ Ямамото сотрудничал несколько раз: контрабандные драгоценности она привозила из-за границы, куда ездила под предлогом поиска примечательных материалов по экотуризму. До того как попасть в поле зрения нашего агентства, она продавала камни сразу же после возвращения в Японию, но на этот раз, зная, что ее наверняка вызовут на допрос, она доверила товар на некоторое время Ямаэ Ямамото. Поскольку до сих пор ее не уличали в хранении контрабанды, для признания ее

виновной доказательств было недостаточно, но так как на футляре вчерашнего DVD нашли отпечатки ее пальцев, она будет осуждена, как сообщил мне господин Сомэя. После ареста она, видимо, объяснила, что выбрала господина Ямамото, потому что не сомневалась: с такой обширной коллекцией ему есть что посмотреть и без этого диска. Камни, которые сберег Ямаэ Ямамото, оказались мадагаскарскими сапфирами.

– Счастье, что мы не выбрали «Мадагаскар», да? – с усмешкой заметил господин Сомэя, хотя на самом деле поиски затянулись дольше отпущенных пятнадцати минут, в итоге курьер получил нагоняй от начальства. Эту информацию мне сообщили мимоходом, и оставалось лишь догадываться, насколько суровым был этот нагоняй.

Так моя работа, связанная с Ямаэ Ямамото, внезапно закончилась. После объяснений господин Сомэя попросил меня проверить факты по этому делу, которые он изложил в заключении, и с этим было покончено. Я спросила, когда уберут камеры, и узнала, что вскоре во всем доме, где живет Ямаэ Ямамото, ожидается проверка кабельного телевидения, тогда будут демонтированы и камеры.

Оказалось, что мне и впрямь причитается бонус – сто тысяч иен. Вполне приличная сумма, хотя и не такая, как я себе нафантазировала, но все же достаточная, чтобы осчастливить кого угодно.

– Завтра ровно месяц, как вы работаете здесь, поэтому вам выдадут бланк возобновления контракта, – известил меня господин Сомэя и добавил: – Я говорил своему боссу, что вы обладаете всеми необходимыми качествами.

– Но ведь эта работа – просто сидеть и смотреть в экран. Разве можно подходить или не подходить для нее? – спросила я и, не успев договорить, подумала, что на самом деле можно.

– О да. Некоторые сотрудники становятся пациентами психосоматического отделения.

Офигеть, подумала я. Господин Сомэя сказал также, что спешить с решением незачем. Я перешла через улицу к своему дому, вспоминая, что говорилось в объявлении о приеме на работу: «Штатная должность, зарплата чистыми 170 тысяч иен в месяц с возможным повышением, полные страховые выплаты».

Безусловно, услышать, что я обладаю всеми необходимыми для работы качествами, было приятно, условия труда здесь, если уж на то пошло, чуть лучше минимальных, с которыми я бы смирилась. Но в состоянии ли я и дальше выполнять эту работу?

Я вернулась домой рано второй день подряд, и единственное занятие, которое смогла придумать, – лечь поспать: видимо, это означало, что я полностью свыклась со сверхурочной работой как образом жизни. Мои родители уже вышли на пенсию со своей работы на полную ставку, но все еще трудились с частичной занятостью, так что дома никого не было. Я села на диван и взяла лежащую рядом газету. Она была тонкой – наверное, вечерний выпуск, подумала я.

Решив было посмотреть программу телепередач, я вспомнила, что в этом нет смысла, если газета вчерашняя. Но раз уж она очутилась у меня в руках, я принялась лениво перелистывать страницы. Мой взгляд скользил по ним, ни на чем не останавливаясь. Прочитывать слова я не удосуживалась, даже фотографии не сохранялись в памяти. Должно быть, я и вправду устала. Может, необходимость целыми днями смотреть в экран наконец дала о себе знать или же еще не выветрилось утомление после моей предыдущей работы.

Даже мысль о том, чтобы свернуть газету и отложить ее, ощущалась как напряжение, поэтому я продолжала просто водить взглядом по страницам, пока вдруг в разделе культуры не наткнулась на имя Ямаэ Ямамото. Что? Я невольно вытаращила глаза. А мне казалось, я уже покончила с тобой. Статья, за которую я зацепилась, была проходной, выражающей мнение автора, – ничего существенного. Некоторое время я колебалась между двумя вариантами – бросить газету на пол или пробежать статью по диагонали, – прежде чем остановилась на втором.

Недавно я очутился в ситуации, неловкой для человека, перешагнувшего тридцатипятилетний рубеж: я заикнулся на истории о призраке, которую услышал по телевизору. Целыми днями меня не покидало ощущение, будто что-то стоит у меня за спиной. Я думал о призраках, пока спал и пока бодрствовал, и понял, что не в состоянии продолжать работу.

Да уж, я-то знаю, подумала я. Какой же ты все-таки наивный.

Это было сродни добровольному рабству. К слову о рабстве: мне, разумеется, вспомнились дзибакурэи – призраки, связанные с одним определенным местом. Каков он, мой призрак, – прикован к месту или свободно передвигается? В детстве я всегда завидовал вторым. Если передвигаешься по своей воле, значит, можешь путешествовать как пожелаешь! И отправиться хоть в Бразилию, хоть куда-нибудь еще – по настроению.

Вот болван, подумала я. Да если бы ты был «свободно передвигающимся» призраком, тогда и корабли, и поезда, и все прочие средства транспорта проходили бы сквозь тебя. И попасть в Бразилию ты мог бы одним способом – дойти туда пешком. И даже если бы для свободно передвигающегося призрака это было физически возможно, думаешь, тебе захотелось бы туда?

В отличие от них, у дзибакурэи в распоряжении сколько угодно времени. Им полагается просто стоять на одном и том же месте и ничего не делать. Будь моя участь такова, я был бы не прочь обосноваться в гостиной дома, хозяйка которого постоянно смотрит телевизор, или вообще в кинотеатре. Но они не выбирают, и это наверняка нелегко. Полагаю, застрять в каком-нибудь месте, где нет людей, так одиноко, и не менее тяжкая участь – попасть в окружение по-настоящему скучных людей. К примеру, если бы в моей комнате завелся дзибакурэи, я почти уверен, что ему было бы невероятно скучно.

Я ощутила, как в мой желудок выплеснулась избыточная порция сока. Оборачиваться и смотреть, что творится у меня за спиной, как делал Ямаэ Ямамото, я не стала, но газета чуть не выпала из моих ослабевших рук.

Открою вам одну мою тайну. Примерно раз в месяц на меня нападает неудержимое желание погрызть ногти на ногах. И вот теперь так получилось, что это желание совпало с моим периодом заикленности на призраке, но я поборол его. Почему-то мне казалось, что мой призрак не захочет наблюдать подобные зрелища. В конце концов, есть же этикет, которого обязаны придерживаться как те, кто наблюдает, так и те, за кем ведется наблюдение.

Я потрясла головой, бросила газету на пол, откинула голову на спинку дивана и зажмурилась. Проклятье, как же я устала. У меня никогда не возникало желания узнать всю подноготную Ямаэ Ямамото, и я никогда не тешила себя надеждой, будто ее знаю, но, видимо, где-то в глубине души я считала, что изучила его довольно хорошо. А теперь выяснилось, что о самых простых и несущественных привычках этого человека я не имела ни малейшего представления. Я почувствовала подступающую головную боль. И в тот же момент приняла решение не возобновлять контракт.

Работа с рекламой в автобусах

Мне вновь пришлось искать работу, так я и оказалась в центре трудоустройства, и как раз когда просматривала последние вакансии, одновременно размышляя, где бы мне поужинать по пути домой, кто-то окликнул меня по имени. Узнав голос госпожи Масакадо – той самой кадровички, сотрудницы центра, которая устроила меня на работу с видеонаблюдением, – я решила вести себя как можно вежливее, обернулась, поклонилась, заверила, что очень рада видеть ее, а сама все это время жалела, что она меня заметила.

– Я слышала, вы не стали возобновлять контракт с компанией наблюдения?

– Нет, то есть да, не стала...

– Ее сотрудник, который связался с нами, казался чрезвычайно разочарованным. Он говорил, что это было очень обидно, ведь они так долго искали и наконец нашли человека, прекрасно подходящего для этой работы.

– Вот как...

Я понимала, что, в сущности, ничего не ответила, и чем дольше отмалчивалась – причем госпожа Масакадо перешла к другим, более насущным вопросам, на что я просто вынудила ее, – тем более виноватой себя чувствовала. Стоя перед ней, я слушала, с одной стороны, голос интуиции, внушающий, что мне было бы гораздо легче, если бы она просто оставила меня в покое, а с другой стороны – голос более здравого смысла, втолковывающий, что она, возможно, поможет мне найти другую работу, так что лучше взять себя в руки. Пока я судорожно искала, чем бы оправдаться за то, что я не стала возобновлять контракт, госпожа Масакадо воспользовалась моим замешательством, чтобы провести меня в консультационную кабинку в углу, осведомившись: «Нам будет лучше присесть, ведь правда же?»

Она приготовила мне чашку чая, затем надела очки-хамелеоны, висевшие у нее на шее, и принялась просматривать – видимо, запись наших разговоров. В безропотном ожидании того, что она собиралась мне сказать, я задалась вопросом, сколько ей лет. Судя по морщинкам на

лице и руках – за шестьдесят. Манеры у нее были удивительно мягкие, она совершенно не производила впечатление человека, всю жизнь трудившегося в поте лица, но когда я объясняла, с какими проблемами, связанными с людьми, я столкнулась на прежней работе, госпожа Масакадо посочувствовала мне и сказала:

– Да, люди – это же самое важное, правда? Можно смириться даже с недостаточно высокой зарплатой, если тебя устраивают люди, с которыми работаешь.

Этими словами она дала мне понять, что в сфере труда у нее имеется более чем солидный опыт.

– Здесь говорится, что в качестве основания для ухода вы сослались на личные причины.

– Да, это так.

В Интернете я читала, что ссылаться на «личные причины» допустимо в самых разных обстоятельствах. Даже когда подаешь полноценное заявление по собственному желанию, сообщалось в статье, добрые старые «личные причины» выручат тебя в большинстве случаев. В чем бы ни было дело – в наличии босса, отпускающего язвительные замечания по твоему адресу каждые полчаса, в том, что тебя обвинили в исчезновении документа, упомянутого в должностной инструкции, но никогда не существовавшего, в том, что твои коллеги распускают про тебя мерзкие слухи или на тебя возложили вину за несостоявшуюся сделку только потому, что ты отказалась сходить выпить с сотрудником компании-клиента, – словом, какой бы ни была конкретная ситуация, «личные причины» – то, что тебе нужно. И все же в моем случае «личные причины» на госпожу Масакадо не подействовали.

– Вы не могли бы объяснить подробнее? Возможно, это поможет мне подыскивать для вас работу в будущем.

На самом-то деле я запаниковала, так как эти причины оставались неясными даже для меня самой. Работа с наблюдением была, в сущности, неплоха, но в ней чувствовалась обременительность и вовлеченность, с которыми, как мне казалось, я не в состоянии справиться. Может быть, она просто не подходила для человека, который хронически пережевывает подолгу каждую мысль. Я сомневалась, что когда-нибудь проникнусь к этой работе чувствами, которые явно испытывал к ней господин Сомэя, к тому же я от природы не столь исполнительна, как госпожа Оидзуми. Мне было ясно, как такие люди способны выполнять эту работу, оставаясь в здравом уме, но вместе с тем я понимала, что у меня от нее рано или поздно съехала бы крыша.

– Я обнаружила, что мне трудно так долго просиживать за письменным столом. Со всеми сверхурочными рабочий день у меня получался чрезвычайно длинным. – Я неловко потупилась, наконец придумав причину, озвучить которую показалось легче любой другой. – Работа в самом деле замечательная, но у меня создалось впечатление, что если бы я осталась на ней, то в результате лишь причинила бы беспокойство компании.

– Вот так, да? – отозвалась госпожа Масакадо. – По-моему, невозможно знать это наверняка, пока не попробуешь.

И то правда. Я поняла, что придется добавить убедительности моему доводу словами «оказалось, что это не просто с физической точки зрения», чтобы одержать победу.

– Было примерно так: сначала ничего не происходило, а потом драматические события внезапно посыпались одно за другим. Такой темп просто не по мне.

– Ясно. Вы ведь, если не ошибаюсь, обращались за работой вроде наблюдения за выделением коллагена, а в найденной работе драматизма оказалось больше, чем вам хотелось бы. За это прошу меня простить.

– Нет-нет!.. То есть, в сущности, работа была именно такой, какую я и просила, и то, что я не смогла удержаться на ней, – исключительно моя вина, – начала извиняться я в ответ на извинения госпожи Масакадо.

– Суть вопроса – в желании устроиться на работу, как можно менее богатую событиями?

– Да, пожалуй. В идеале события того или иного рода могли бы случаться время от времени, но только не слишком внезапно.

– Вы по-прежнему считаете офисную работу лучшим вариантом из возможных?

– Да, – решительно подтвердила я. И восхитилась наглости, с которой потребовала офисную работу, едва успев посетовать на то, как трудно постоянно сидеть. Но я рассудила, что лучшей стратегией сейчас будет задрать планку как можно выше, а потом в случае необходимости понемногу опускать ее.

Госпожа Масакадо открыла другую папку и принялась быстро листать ее содержимое. «Да ни к чему вам это», – мысленно сказала я ей. Это не значило, что ей незачем искать для меня работу – скорее, что не стоит проявлять такое рвение. Однако эта женщина поразительно терпеливо выслушала мой рассказ о том, каким сильным было физическое и психологическое выгорание на моей давней работе, так что ничего, кроме рвения, от нее и не следовало ожидать.

– Здесь есть одна, которая, пожалуй, могла бы представлять интерес, – сказала госпожа Масакадо, поворачивая папку ко мне и зачитывая описание вакансии. – В объявлении говорится, что у них временная нехватка персонала, поэтому они подыскивают кого-нибудь срочно. Они указали продолжительность – «от одного месяца до неопределенного времени, в зависимости от внутриорганизационных потребностей».

Я придвинула к себе папку и вчиталась в объявление. Зарплату предлагали примерно такую же, как за работу с наблюдением, но медстраховку предоставляли только взятым в штат постоянным сотрудникам.

– Предполагается некоторое разнообразие, но в целом это спокойная и стабильная офисная работа, – сказала госпожа Масакадо. – По-моему, как раз такую вы ищете.

– Вдобавок ко всему этому я попросил бы вас еще кое о чем, – произнес заведующий отделом господин Кадзетани, который собеседовал меня, и его лицо приобрело странное выражение. – Я хотел бы, чтобы вы приглядывали за госпожой Эригути.

«Все это», о котором упомянул господин Кадзетани, составляло суть моей новой работы, а именно – писать рекламные тексты для аудиороликов, предназначенных для конкретного автобусного маршрута. Мой первый рабочий день, думала я, а меня уже нагрузили очередным наблюдением.

– С госпожой Эригути какие-то проблемы? – спросила я.

Не считая меня, она была единственной сотрудницей того же отдела, следовательно, несла ответственность за мою подготовку. Домой она ушла ровно в пять. Значительно моложе меня, она держалась миролюбиво и в целом казалась достойной доверия.

– Можно сказать, что есть, а можно – что нет.

Господин Кадзетани переплел пальцы, с рассчитанной серьезностью положил на руки подбородок и взглянул на меня снизу вверх. Его неожиданно пышная шевелюра наверняка была попыткой выглядеть моложе своих лет – в первый свой день я больше не нашла в нем ничего такого, к чему могла бы придраться.

- В каких именно... хм... отношениях я должна за ней приглядывать? – спросила я.
- Да практически во всех. В точности ли изложено содержание рекламы, и тому подобное.
- А, то есть следить за качеством ее работы?
- Не только. – Господин Кадзетани медленно, чуть напыщенно покачал головой. – Я хотел

бы, чтобы вы сообщали мне, если заметите что-нибудь в ее поведении.

Ну, спасибочки! «Если заметите что-нибудь в ее поведении» – сегодня я видела ее впервые в жизни, так что, само собой разумеется, обращала внимание практически на каждый ее жест. Печенье «Орео», которым она перекусывает в три часа, она ломает на несколько частей и только потом съедает! Шариковые ручки с толстым стержнем предпочитает ручкам с тонким стержнем! Так что же мне теперь, сообщать обо всех этих поведенческих наблюдениях? Ведь нет же, наверное? И я перевела слова господина Кадзетани, в формулировке которого они показались мне несколько уклончивыми, в нечто более понятное, а потом повторила ему:

- Ладно. Если я увижу, что она делает то, что мне покажется странным, я вам сообщу.
- Правильно, – подхватил он и кивнул. – Итак, увидимся завтра.

С этими словами он забрал у меня подготовленный отчет за день. Я поклонилась, заметила, что он явно оживился, свалив на меня щекотливую задачу, и покинула офисный этаж, пройдя мимо других сотрудников, все еще прилежно занятых работой. Офисы этой компании, занимавшие второй и третий этажи шестизэтажного здания перед станцией, не были ни просторными, ни тесными. Если точнее, они имели совершенно обычные размеры. Как минимум месяц мне предстояло работать бок о бок с госпожой Эригути в небольшом помещении, разделенном перегородкой.

Что вообще означало это распоряжение «приглядывать за госпожой Эригути»? До сих пор самое сильное впечатление она произвела на меня тем, что оказалась намного моложе меня – вполне возможно, даже на целых десять лет. Она была миниатюрной и говорила негромким голосом. Ее одежда напомнила мне типовой «костюм соискателя», в каких вчерашние студенты ходят по собеседованиям, и в сочетании с ее ненакрашенным лицом производила довольно блеклое впечатление. Вместе с тем она, обучая меня азам новой работы, продемонстрировала уровень профессионализма, который показался мне почти выдающимся. Объяснить, как вместить в ограниченное количество слов ключевые элементы компании, заказывающей рекламу, было непросто, но она справилась и продолжала терпеливо давать мне советы даже после того, как я написала несколько черновых вариантов рекламного текста и ни разу не попала в точку. В каком-то смысле именно тогда, как я осознала сейчас впервые, обнаружилось несоответствие между внешней незрелостью и некоторой скованностью и ее фактическими способностями, однако это было единственное заслуживающее внимания наблюдение, которое мне удалось сделать. Не было бы преувеличением утверждать, что из всех, с кем я познакомилась в этом офисе, госпожа Эригути казалась самой безобидной. Господин Кадзетани своими попытками молодиться возбуждал во мне сильную настороженность, хотя, разумеется, я успела проработать всего один день и могла опираться лишь на первое впечатление.

Домой я отправилась, так и не сумев после всех размышлений выявить хоть сколько-нибудь убедительные причины, по которым меня попросили приглядывать за госпожой Эригути. Этот офис располагался чуть дальше предыдущего, так что добираться до него понадобилось на велосипеде. Окружающая территория была сравнительно застроенной – с парой ресторанов фастфуда, большим супермаркетом и видеопрокатом, и это означало, что на новом месте ощущение удушья будет мучить меня не так, как на предыдущем, расположенном аккурат напротив моего дома.

Пока я крутила педали и катилась по магистрали, меня вдруг осенило: поскольку присмотр за госпожой Эригути не входит в должностные обязанности составителя рекламных текстов, возможно, за него мне будут приплачивать. Но я тут же помотала головой и посоветовала

себе опомниться. Нет, ну правда, на что я должна обращать внимание? Неужели госпожа Эригути, несмотря на ее неприметную внешность, втайне что-то замышляет? И если да, то что?

Сама работа – написание текстов для компаний, желающих, чтобы их рекламировали в автобусах городских маршрутов, – выглядела многообещающе, но меня угнетало уже то, что в первый же день работы ко мне обратились с настолько странной просьбой. Наиболее вероятным казалось предположение, что господина Кадзетани что-то настораживает, однако ему не хочется проводить расследование как полагается, вот он и решил заручиться моей помощью, чтобы собрать доказательства. Продолжая давить на педали, я приняла временное решение: не спешить пока выполнять его просьбу и сосредоточить внимание на освоении рабочих обязанностей.

Споры об упразднении городских автобусов «Альбатрос», которые велись внутри компании, затянулись больше чем на полгода. Два года назад, когда дела «Альбатроса» шли неважно – убытки он не нес, но и прибыль стала ничтожно мала, – компания объявила, что намерена избавиться от него, но столкнулась с настолько резкой негативной реакцией местных жителей, что в конце концов решила отказаться от этого намерения. Однако в начале текущего отчетного года споры возобновились. На этот раз предметом их был подход к обновлению «Альбатросов», средства на которое попросту отсутствовали.

Полагая, что избежать угрозы упразднения сервиса не удастся в том случае, если решение придется вновь отменить, автобусная компания вместо этого постановила воспроизводить во время поездок больше рекламных аудиороликов и посмотреть, насколько выросшие доходы пополнят средства, отпущенные на эксплуатационные расходы. Обращение по поводу текстов рекламы к внештатным работникам означало бы дополнительные затраты, поэтому было принято решение справляться с этой задачей своими силами.

– Так что я не всегда занималась этой работой, – объяснила мне госпожа Эригути, – и не собираюсь заниматься ею вечно.

Очевидно, то же самое относилось и ко мне. Но, в отличие от госпожи Эригути, меня наняли с четко сформулированной целью создания рекламных текстов, которые, в свою очередь, предназначались для оплаты переоборудования автобусов, так что оставалось неясным, смогу ли я продолжить работу в компании после того, как все рекламные тексты будут написаны. Еще месяц назад госпожа Эригути числилась в административном отделе, однако мне показалось, что она наделена талантом рекламиста.

Процесс создания рекламы, как объяснила мне госпожа Эригути – предварительно оговорившись, что насчет других компаний не знает, – происходил следующим образом. Первым делом мы размещали объявления «Требуется рекламодатели!» в различных городских рассылках и в самих автобусах, чтобы привлечь рестораны, магазины, компании и другие организации, желающие прорекламировать свои услуги. Когда появлялась заинтересованная сторона, мы вступали с ней в контакт и выясняли, что она хочет прорекламировать, спрашивали, на каких аспектах своего бизнеса хочет сделать акцент, при необходимости проводили неболь-

шой сбор сведений, а затем представляли клиенту черновик предполагаемого текста. Если он оставался доволен, мы просили одного из наших сотрудников, обладателя «хорошего радиоголоса», записать рекламу и отсылали ее клиенту. Потом вносили заключительную правку, и наша работа заканчивалась. В то время меня по-прежнему утомляло чтение больших и даже не очень больших объемов текста, поэтому я забеспокоилась, услышав, что процесс предполагает чтение рабочих материалов, и засомневалась, что справлюсь с ним, но пока, как мне казалось, справлялась.

В рекомендациях компании указывалось, что нашей целью должно быть звучание как минимум двух рекламных объявлений за то время, пока автобус движется от одной остановки до следующей. Таким образом, мы приняли запросы на более чем тридцать новых реклам, и постепенно их становилось все больше. Мне казалось очевидным, что пускать в эфир столько реклам – значит подвергать пассажиров безостановочной коммерческой бомбардировке, но в автобусной компании, похоже, были уверены: когда местные вспомнят недавние разговоры об упразднении маршрутов, они поймут, что невозможно приготовить омлет, не разбив несколько яиц.

Реклама, которую мне поручили написать в первые два дня на этой работе, предназначалась для основанного еще в давние времена магазина японских сладостей. При каждом моем разговоре с его представителями они меняли решения насчет товара, который хотели продвигать, и это было мучение.

*«Что это?! Впервые вижу такой огромный мандзю! Говорите, купили его неподалеку?»
И на этом сюрпризы не заканчиваются! Разрежьте мандзю-гигант, и найдете внутри еще больше красных, желтых и зеленых мандзю – идеальный знак удачи! Для особых случаев далеко ходить не надо: выбирайте мандзю-гигант из магазина традиционных японских сладостей «Байфуан».*

О мандзю-гиганте я никогда прежде не слышала, но они считались отличным дежурным подарком на свадьбу и не только. Как следовало из рекламы, мандзю-гигант представлял собой действительно очень большой мандзю из теста, нафаршированный несколькими мандзю стандартного размера, а также обычной сладкой бобовой пастой. В продаже они также появлялись под названием «беременных мандзю». Владелец «Байфуана» поначалу хотел, чтобы мы рекламировали железные конфетки из умэ, потом переключился на лунные пряники гэппэй, потом на сладости ракуган. И только после того, как я трижды переделала рекламу, наконец остановил выбор на мандзю-гиганте. Госпожа Эригути просмотрела прайс-лист продукции «Байфуана» и заметила, что каждое новое выбранное лакомство дороже предыдущего.

– То есть железные конфетки – по сто восемьдесят иен, гэппэй – по двести десять, самая маленькая коробочка ракуган – пятьсот, а мандзю-гигант – четыре тысячи восемьсот.

– Ого, резкий скачок.

– Видимо, он рассудил, что продать единственный мандзю-гигант выгоднее, чем десять железных конфет из умэ.

А много ли, в самом деле, случаев, по которым люди пойдут покупать мандзю-гигант? Я предположила: если удастся внушить слушателям, что любое торжественное событие – повод для покупки мандзю-гиганта, есть вероятность, что они вспомнят про этот магазин, узнав о приближении очередной свадьбы. Причем, добавила госпожа Эригути, в пределах маршрутов «Альбатроса» живет масса пожилых людей, так что реклама может оказаться очень кстати для тех из них, кому мысль о западных сладостях или тортах как подарке на свадьбу внушает чуть ли не отвращение. Рассуждения госпожи Эригути я сочла весьма позитивными, соглашаясь, что идеи именно такого рода автобусная компания надеялась постепенно внедрить в сознание рекламодателей.

Продолжая обучать меня в последующие два дня, госпожа Эригути сама написала две рекламы: одну для агентства недвижимости, другую – для кабинета отоларинголога.

«Я мог бы привлечь больше покупателей, будь у меня магазин попросторнее!»

«Наши дети выросли, пора подумать о переезде в другой дом!»

Если это про вас, незачем беспокоиться в одиночку! Приходите к нам, в «Недвижимость Маруяма»! Если вы заглянете к нам, горилла на нашем рекламном щите так и за-ГОРИЛЛИ-ится от радости!

«Вот досада, завтра у меня важное свидание, а из носа так и льет!»

«На следующей неделе концерт, моя дочь играет на фортепиано, а у меня, как назло, заложило уши!»

Знакомые проблемы? Зайдите в «Клинику отоларингологии Такэяма»!¹ Вы узнаете нас по большому дереву в саду: в названии у нас бамбук, а в саду – сосна!

Круг лиц, которым были адресованы эти объявления, выглядел довольно четко очерченным: самозанятые, планирующие расширение бизнеса, родители взрослых детей, мужчины и женщины, страдающие насморком и назначившие на ближайший день свидание, и родители, фортепианные концерты детей которых стремительно приближались. По словам госпожи Эригути, содержание рекламы лучше доходило до слушателей, если в ней были приведены конкретные примеры – кто мог бы воспользоваться этой услугой, пусть даже чисто гипотетически, – хотя, разумеется, невозможно было угадать, каких результатов достигнет реклама, пока ее не пустили в эфир.

Звуковые записи готовых объявлений предстояло еще отредактировать – этой задаче нам приходилось посвящать как минимум час перед завершением рабочего дня, – и разослать, чтобы их со следующего утра начали включать в автобусах. Незамедлительность процедуры внедрения преподносилась как одно из достоинств рекламы в автобусах «Альбатрос».

Подготовка звукозаписи реклам также была нашей обязанностью – госпожи Эригути и моей. В три часа мы отправились просить госпожу Катори из бухгалтерии, работавшую в компании уже довольно давно, прочитать рекламные объявления, чтобы мы их записали. Когда мы с госпожой Эригути приблизились к той части офиса, над которой с потолка свешивался транспарант «БУХГАЛТЕРИЯ», госпожа Катори обернулась, состроила при виде нас кислую физиономию, но рук с клавиатуры не убрала и всем видом выразила предельную апатию.

– Что, *опять?*..

– Прошу меня простить, – отозвалась госпожа Эригути. – Через месяц закончим.

– Месяц?! Что бы вы там ни думали, я сижу здесь не для того, чтобы читать бред, который вы напридумывали, знаете ли. Я здесь, чтобы следить за цифрами!

В том, что у госпожи Катори хороший голос, не было никаких сомнений. Она напоминала мне ведущую одного из дневных радиоканалов. В этом голосе сочетались и характер, и солидность, он подошел бы опытному актеру.

– Понимаю, но постарайтесь все-таки потерпеть ради нас.

– Но я вымоталась! У меня язык не ворочается, – воскликнула госпожа Катори и закачалась из стороны в сторону всем телом, давая понять, как ей не хочется. У нее в характере явно имелась выраженная склонность к драматизму. – О, а это и есть новенькая?

– Да, верно, – подтвердила я и представилась.

Госпожа Катори встала, выпрямилась и низко поклонилась мне.

– Приятно познакомиться.

---

¹ «Бамбук на горе» (яп.) – Примеч. пер.

Ладно, подумала я, она, кажется, неплохой человек, несмотря на все драмы.

– Самое время перекусить – не так ли, госпожа Катори? Разрешите соблазнить вас вот этим перед началом записи?

Госпожа Эригути вынула из кармана лунный пряник и протянула госпоже Катори. Та нахмурилась, чуть шире открыла глаза, а потом ахнула с явным удовольствием и взяла подношение. Я почти не сомневалась, что оно из «Байфуана».

– Заскочите в наш отдел, когда закончите, хорошо?

– Ладно.

Госпожа Катори уже сняла пластиковую пленку с пряника и откусила его.

– Так мы на вас рассчитываем, госпожа Катори!

– Да-да, я в курсе.

Вскоре госпожа Катори пришла к угловому отделу, где работали мы с госпожой Эригути – от остальных он отличался приколотым к перегородке листом бумаги, на котором значилось «ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ», – и очень любезно записала для нас несколько объявлений. После окончания записи госпожа Эригути вручила ей еще один лунный пряник, как бы в награду за услуги.

– О, спасибо! – обрадовалась госпожа Катори. – Можете рассчитывать на меня завтра!

Наш сеанс звукозаписи мы завершили незадолго до четырех, госпожа Эригути редактировала объявления до без пяти пять, после чего сразу отправила их менеджеру эксплуатационного отдела. Последние пять минут она посвятила ежедневному отчету, закончила его и ушла ровно в пять. Я все еще подчищала свои заметки, сделанные при редактировании записей, так что с подготовкой к представлению ежедневного отчета немного задержалась.

Я положила блокнот со своим отчетом в лоток для документов на столе господина Кадзетани, попрощалась и уже собиралась уходить, как он поманил меня.

– Не уделите мне секунду?

Я послушно подошла к его столу.

– Вы еще не заметили в госпоже Эригути ничего... необычного?

– Нет, ничего, – ответила я.

Мало того, что я не заметила ничего «необычного» – я ежеминутно отмечала, что госпожа Эригути на редкость успешно справляется со своей работой. Да, этот день на новом месте для меня был всего лишь вторым, но я с трудом могла представить себе сотрудника, более близкого к идеалу. Я полагала, что буду становиться все больше похожей на нее по мере освоения новой работы, но не сомневалась, что мне понадобится немало времени, чтобы приблизиться к заданным ею стандартам.

– Рано или поздно произойдет хоть что-нибудь, что насторожит вас, – заверил господин Кадзетани, положив ладонь на свою пышную шевелюру.

У меня сложилось отчетливое впечатление, что поскольку госпожа Эригути отвечает за мою подготовку, любое чувство недоверия, развившееся у меня по отношению к ней, осложнит мне задачу, поэтому я мысленно отметила – видимо, из самосохранения: этот человек, похоже, считает себя героем пьесы, как-то так.

– И все-таки о необычных вещах какого рода вы говорите? – осведомилась я самым непринужденным и безобидным тоном, на какой только была способна.

Я понимала, что допытываться вот так – наглость с моей стороны, но рассудила, что уже достигла возраста, когда можно позволить себе маленькую дерзость, если к этому призывают обстоятельства. Во всяком случае, так я мысленно оправдывалась. Господин Кадзетани склонил голову набок, выдержал небольшую паузу, открыл рот и серьезным тоном произнес:

– О вещах, которые появляются там, где их быть не должно, или о тех, которые как будто бы исчезли, и они в самом деле исчезают.

– А-а...

Я едва удержалась, чтобы не воскликнуть: «Что-о-о-о?!»

– Послушайте, да не волнуйтесь вы так, – небрежно махнул рукой господин Кадзетани. – Просто дайте мне знать, если заметите что-нибудь странное, – вот и все, о чем я прошу. – С этими словами он вынул из лотка стопку ежедневных отчетов и принялся с отсутствующим видом пролистывать их.

Вещи, которые появляются там, где их быть не должно, или как будто бы исчезли и в самом деле исчезают. Что, скажите на милость, он имел в виду? Может, канцелярские принадлежности? Неужели он проведал, что госпожа Эригути присваивает офисную канцелярку для личного пользования? Но даже если так, разве это повод поднимать шум таких масштабов? Если при этом она исправно выполняет работу.

Уже выходя из кабинета, я обернулась проверить, чем занят господин Кадзетани, и увидела, как он равнодушно сунул стопку отчетов обратно в лоток и разворачивает большую карту района. Ее он и начал с интересом изучать, подперев одной рукой голову.

Не желаю участвовать в этой неразберихе, невольно подумала я, направляясь к раздевалке с личными шкафчиками. Я понимала, что, вполне возможно, через месяц мне придется уйти из этой компании, и все равно хотела провести свое время здесь тихо и мирно. И не желала испытывать к работе больше чувств, чем было необходимо. С этим я уже покончила.

Так что я приняла решение не обращать внимание на озабоченность господина Кадзетани, чем бы она ни была вызвана. Не буду отрицать: хотя пафосная внешность придавала ему несколько ненадежный вид, беспокоился он, похоже, не на шутку. Но если госпожа Эригути так заботила его, почему же он просто не обратился с вопросом к ней напрямую, вместо того чтобы втягивать меня в слезку за ней? Однако сколько бы я ни размышляла об этом, ни к каким определенным ответам так и не пришла.

Подошла к концу моя первая неделя в автобусной компании, а я так и не заметила за госпожой Эригути никаких «странностей», и когда рабочий день в пятницу завершился, решила прокатиться на «Альбатросе». Ближайшая остановка автобусов компании находилась довольно далеко от моего дома, и когда мне требовалось добраться куда-нибудь, я обычно ехала поездом, так что случай воспользоваться автобусным маршрутом представлялся от силы раз в два месяца. Но теперь, садясь в автобус, я впервые задумалась о том, что пользоваться таким сервисом всего за сотню иен весьма удобно.

Помимо доставки пассажиров к крупному супермаркету, мэрии, различным клиникам и больницам, «Альбатрос» также курсировал между всеми местными заведениями, куда только может понадобиться заглянуть в попытке развеять скуку: магазином DVD, книжным магазином, залом патинко, семейным рестораном, торговыми рядами и так далее и тому подобное. Но все они находились довольно далеко друг от друга, следовательно, маршрут «Альбатроса» неизбежно отличался большой протяженностью – требовалось немало времени, чтобы проехать по нему. Потенциально это можно было рассматривать как недостаток, но, по-видимому,

большинство пассажиров «Альбатроса» составляли домохозяйки, дети и пожилые люди, терпимо относящиеся к неспешному темпу движения.

Услышав голос госпожи Катори в автобусных динамиках, я слегка заволновалась. Однажды в обеденный перерыв она чуть сконфуженно призналась мне, что сама ездит «Альбатросом» до работы и ее слегка коробит от собственного голоса, но на мой слух, объявления звучали так хорошо, как если бы их записал профессиональный актер озвучки.

«Подумать только, просто сидеть – и то больно!»

Вас замучил геморрой? И некому даже пожаловаться? Что ж, приходите в «Проктологическую клинику Тагути» и расскажите нам обо всем. Вместе мы решим ваши проблемы! И большие вы никогда не будете бояться сесть.

В голосе госпожи Катори слышались неподдельные чувства, тон, которым она произносила «подумать только, просто сидеть – и то больно», был исполнен искренней скорби. Она призналась мне, что, записывая объявления, узнала о магазинах и клиниках, о существовании которых раньше даже не подозревала. «Оказывается, даже в твоём районе есть много такого, о чем не знаешь», – наставительно заключила она.

В «Альбатросах» рекламировали не крупные торговые сети или хорошо известные местные ориентиры, а скорее бизнес того рода, который можно назвать нишевым. До сих пор мне попало несколько таких компаний, о которых я слышала впервые: производитель собы, поставщик кофе в зернах, официальный дилер шоссейных велосипедов иностранной марки. Все они располагались чуть в стороне от оживленных улиц, и в рекламе доступно объяснялось, как добраться до них от соответствующей остановки «Альбатроса». До сих пор я писала только объявления для компаний, находящихся прямо возле автобусных остановок, и подозревала, что госпожа Эригути дает мне задания, с которыми легче справиться.

Заявление госпожи Катори о том, как мало мы знаем даже собственный район, попало в точку. В тот день, катаясь на «Альбатросе» и совмещая увиденное в окно с содержанием объявлений, я сделала множество открытий. До прежней работы я добиралась автобусом, маршрут которого частично совпадал с «Альбатросом», но, несмотря на это, увидела много такого, чего не замечала прежде.

Пока я упивалась своим прозрением и думала, что, возможно, на этот раз попала на приличную работу, уходить с которой через месяц будет досадно, автобус свернул в ту часть района, через которую я часто проезжала на велосипеде. Еще три остановки – и маршрут будет пройден полностью. Глядя в окно на знакомую мне как пять пальцев дорогу и досадуя, что до сих пор не решила, что буду есть на ужин, я вдруг вздрогнула при виде пятиэтажного здания ярко-вишневого цвета.

Любите солнце? Танцы? Хавьера Бардема? Тогда загляните к нам в «Дальневосточный центр фламенко» на уроки испанского, кулинарии и – ну конечно! – фламенко!

На всех окнах в этом здании шторы были желтыми. Ведь как-никак Испания, рассудила мысленно я. Но «Дальневосточный»? Кто принял решение о выборе такого помпезного названия?

На проплывающее за окнами красное здание – предположительно тот самый «Дальневосточный центр фламенко» – я смотрела, открыв рот и не веря своим глазам. Неужели оно и вправду всегда стояло здесь? Я, конечно, не каждый день проезжала по этой улице, но довольно крупный книжный магазин и ресторан с вкусным удоном заманивали меня сюда не так уж редко – я бы сказала, раза два в месяц.

Как могло случиться, что настолько приметное здание ускользало от моего внимания? Или же просто поездка на автобусе располагает к тому, чтобы замечать части зданий, располо-

женные выше первого этажа? Или же, поскольку в книжный магазин я наведывалась главным образом по вечерам, я не разглядела этот дом, потому что было слишком темно? Из этих двух гипотез вторая выглядела более вероятной.

Так или иначе, это и впрямь было открытие. «Альбатрос» двигался дальше, заглатывая одну остановку за другой, и я вышла точно на том же месте, где села в него. Даже теперь, когда под ногами была твердая земля, меня пошатывало от полученного откровения. Может, этот случай просто стал для меня доказательством, как мало я знаю свой район, о чем и говорила госпожа Катори, но я никак не могла опомниться от изумления, обнаружив, что проглядела целый дом.

Поддавшись безудержному желанию вернуться и проверить, я зашагала прочь от своего дома в сторону «Дальневосточного центра фламенко». Вопрос я поставила так: насколько хорошо помещение магазина на первом этаже сливается с окружением, если я даже не заметила, что выше начинается фасад ярко-вишневого цвета?

За стеклянной дверью с золотой надписью *La Institución Española del Extremo Oriente*² я увидела не манекены в костюмах танцоров фламенко или в форме клуба «Барселона», а пару шкафов, вмещающих собрание книг солидного вида. По сравнению с броским фасадом интерьер выглядел скучновато. У двери обнаружилась маленькая доска объявлений, а на ней при внимательном рассмотрении – объявление, написанное неровным почерком: «Баскские торты на продажу, по 340 иен каждый. Приходите, пожалуйста». Вряд ли этот почерк принадлежал танцору фламенко, скорее уж поклоннику Хавьера Бардема.

Я открыла дверь и нерешительно вошла в «Дальневосточный центр фламенко». Баскские торты – это, конечно, замечательно, но они не развеяли мое изумление, которое сохранялось весь вечер, пока я не легла спать.

С тех пор я стала время от времени кататься на «Альбатросах» просто так, без особой необходимости. Обычно я ездила на этих автобусах вечером после работы, так что, возможно, темнота помогала увидеть окружение по-новому, но даже при этом темпы, с которыми я делала открытия, казались мне слишком высокими.

Количество рекламных объявлений, звучавших в автобусах, неуклонно росло, пока не достигло как минимум трех за один отрезок пути между остановками, в итоге «Альбатрос» превратился в нечто вроде аудиоверсии городской газеты объявлений. Как и вначале, меня беспокоило, что пассажиры сочтут такое обилие рекламы навязчивым, но слушать голос госпожи Катори было в самом деле приятно, я ни разу не слышала, чтобы на объявления кто-нибудь жаловался. С тех пор, как я пришла в компанию, госпожа Эригути редактировала записи самостоятельно. Мне казалось, что мелкой сошке вроде меня по справедливости следовало бы поручить скорее механическую компиляцию объявлений, нежели более творческую задачу, то есть их составление, поэтому я иногда извинялась перед моей наставницей за то, что все мое время

---

² Испанский институт Дальнего Востока (*исп.*).

занято писаниной, однако она отвечала с неизменным добродушием: «Нет-нет, не торопитесь. Сколько понадобится, столько и работайте».

В начале третьей недели моей работы в компании я наконец перешла к самостоятельному редактированию аудиозаписей – задаче, предполагающей использование специального программного обеспечения, чтобы добавлять новые объявления к уже имеющимся роликам и следить, чтобы общая продолжительность рекламы не превышала времени, которое требуется автобусу, чтобы проделать путь от одной остановки до следующей. В настоящее время все рекламы укладывались в промежутки между остановками, хотя отрезка пути после вокзального перекрестка и до Северной стороны – как раз где находился «Дальневосточный центр фламенко» – хватило бы всего на одно дополнительное объявление. Точной причины я не знала: то ли эти кварталы считались особо зажиточными, то ли именно там нашлось больше всего компаний, пожелавших дать рекламу.

Некоторое время мы обновляли аудиоролик примерно раз в три дня. Ничто не мешало бы нам делать это ежедневно, если бы результат наших трудов оставался достойным, но поскольку приходилось учитывать время, необходимое, чтобы связаться с заказчиком, желающим дать рекламу, записать объявление и согласовать его с рекламодателем, мы обнаружили, что можем закончить максимум два объявления за день – или три при особо удачном стечении обстоятельств. Если же процессу согласования с клиентами не доставало гладкости, зачастую мы отправлялись к ним с визитом, даже если они не приглашали нас напрямую, и если в таких случаях нарывались на директора компании, располагающего избытком свободного времени, легко могли потерять три с лишним утренних часа.

Наше начальство вполне устраивала скорость, с которой мы с госпожой Эригути производили объявления. Нас не торопили, но и не рекомендовали снизить темпы. Единственным распоряжением, которое нам дали, было втискивать как можно больше объявлений в имеющиеся промежутки времени.

И вот как раз когда я редактировала запись для очередной остановки и проигрывала ролик, к которому только что добавила новое объявление, произошло то, чего я ждала, – меня кое-что насторожило.

«В эти выходные у моего сына бейсбольный матч, а родительский комитет до сих пор не закупил пластиковые коробки для бэнто, чтобы раздать детям!»

«Я придумала, как готовить замечательную еду навынос. Теперь мне нужны контейнеры, чтобы моим покупателям было в чем унести ее домой!»

Мамочки и владельцы кафе и магазинов, далеко ходить не надо – ведь есть же «Упаковка Ито»! Мы производим контейнеры, отвечающие всему многообразию ваших потребностей!

Текст этого объявления писала госпожа Эригути. Я подождала, пока голос госпожи Катори пробежится, как обычно, по профилю потенциального покупателя, названию магазина и общим сведениям о компании, а потом, услышав «следующая остановка – начальная школа Умэноки», нажала паузу.

Действительно ли возле начальной школы Умэноки есть магазин с товарами для упаковки? Если бы он там был, я почти наверняка знала бы о нем. Я большая поклонница всевозможной упаковочной бумаги, одноразовых коробок для завтраков и тому подобных вещей, так что в такой магазин я, скорее всего, зашла бы как минимум однажды.

И потом, не далее как вчера я как раз проезжала на автобусе остановку «Начальная школа Умэноки», и там не было никаких признаков подобного магазина – впрочем, из автобуса переулки не просматриваются, так что если старый магазинчик пристроился где-то в глубине, а не на виду, к нему все мои предыдущие доводы не относятся.

Еще до возникновения конкретного желания съездить и проверить, есть ли там этот магазин, моей первоначальной реакцией стало подозрение в чистом виде. Что-то тут не так – вот какое чувство у меня возникло. Я закончила редактирование, отослала файл, написала ежедневный отчет, дождалась, когда госпожа Эригути уйдет домой, а потом покинула рабочее место и отправилась на поиски карты района. Эти карты хранились на полке за столом господина Кадзетани. Старательно изображая беспечность, я направилась напрямик к нему и выбрала выпущенную в нынешнем году карту района, где находилась начальная школа Умэноки.

Я перелистывала страницы, пока не нашла саму школу, затем принялась внимательно изучать ее окрестности, но не заметила никаких признаков «Упаковки Ито». Прищурилась, обводя пальцем каждое строение на странице со школой. Нет «Упаковки Ито». То же самое я проделала с предыдущей и последующей страницами. Зрение начало туманиться. «Упаковка Ито» по-прежнему не находилась. Не удалось отыскать хотя бы один дом, зарегистрированный на имя Ито. Стоя у книжного шкафа и уставившись на карту, я вдруг заметила, что надо мной висит господин Кадзетани.

– Что думаете?

В формулировке этого вопроса, из которого он исключил не только предмет, но и почти все остальное, я уловила что-то пронзительно знакомое и потому откликнулась вопросом:

– О чем?

Господин Кадзетани отступил и забормотал: «Да я... м-м... нет, я только...», чем моментально вызвал у меня чувство вины. Я уже была готова прийти к выводу, что он в самом деле несколько слабоват духом.

– Прошу прощения... Я просто проверяла, соответствует ли местонахождение одного магазина указанному в нашей рекламе.

– А, ясно. – Господин Кадзетани кивнул и вернулся на свое место.

Может, мне следовало проявить больше чуткости к его беспокойству? Пожалуй. Но суть заключалась в том, что у меня до сих пор не было достаточно ясного представления о том, к чему, собственно, проявлять чуткость. Не следовало признаваться, что объявления, составленные госпожой Эригути, внушают мне смутные подозрения, – пока еще нет.

Представив ежедневный отчет, я покинула офис и поехала домой «Альбатросом», сидя как на иголках от нетерпения. Ни на улицы, проплывающие за окном, ни на голос госпожи Катори я почти не обращала внимания. Просто дождалась, когда объявят начальную школу Умэноки, и вышла из автобуса.

Уже совсем стемнело. Было что-то жутковатое в сходстве с гладью озера, которое приобрел школьный стадион в темноте, но в одном из окон первого этажа – видимо, в учительской – горел свет, и это немного успокаивало. В магазине сладостей «Байфуан», наискосок от входа на территорию школы, жалюзи уже спустили до половины, готовясь к закрытию. Заметив, что все остальные магазины уже закрылись, я предположила, что в этом районе, наверное, все подобные заведения закрываются раньше, чем где-либо.

Надо было дожидаться выходных и побродить здесь при дневном свете, думала я, шагая по тротуару со стороны «Байфуана» и читая названия магазинов на жалюзи, но никакой «Упаковки Ито» среди них не попадалось. И когда меня уже осенило, что надо бы позвонить в офис и вызвать сюда господина Кадзетани, я заметила свет в глубине широкого переулка, отходящего от улицы. Магазин в переулке, похоже, еще был открыт.

Приближаясь к нему, первыми я увидела два больших цветущих растения – из тех роскошных и пышных, которые одни компании посылают другим на открытие, – а потом разглядела то, что скрывалось за листвой: высокие башни из круглых блюд для канапе, густо-малиновые коробки для бэнто с прозрачными крышками, черные подносы для суши, расписанные золотом, гигантские картонные коробки, набитые связками одноразовых палочек для

еды, большие упаковки разделителей для бэнто в виде медвежьих мордочек розового, младенчески-голубого и желтого цветов. Вблизи стало видно, что в горшки с растениями воткнуты карточки с надписями: две местных компании поздравляли «Упаковку Ито» с открытием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.